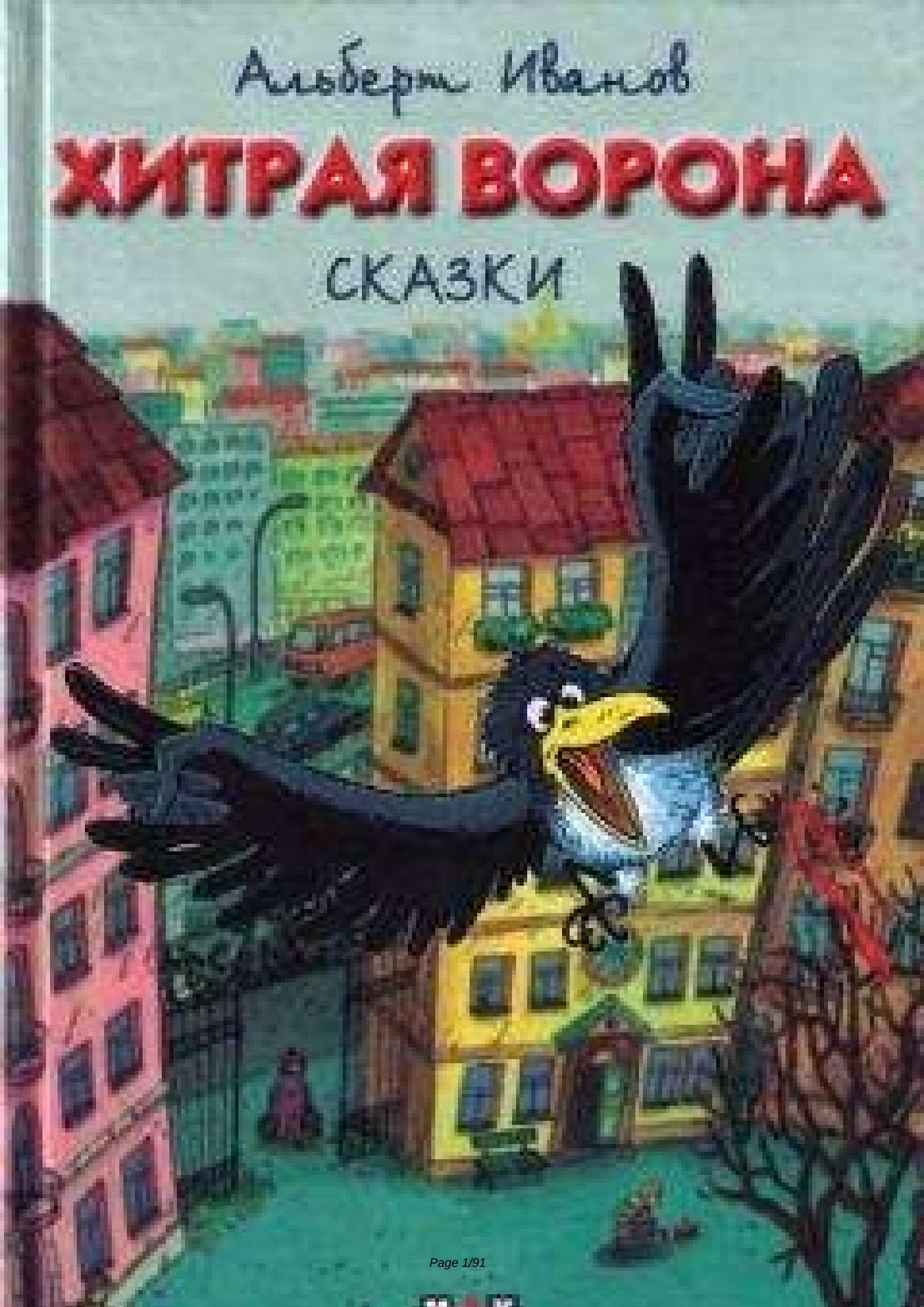
Альберт Иванов

ХИТРАЯ ВОРОНА

СКАЗКИ



Альберт Иванов

Хитрая Ворона

ХИТРАЯ ВОРОНА

Тощая растрёпанная Ворона сидела на дереве, свесив лапы с ветки, и сквозь цветное стёклышко, словно в лорнет, высокомерно разглядывала двор.

Двор был большой, но совсем бестолковый. Разные пристройки, сарайчики, будки, клетушки, заборчики.

Ворона меняла стёклышки, и всё, что было во дворе, окрашивалось в разные цвеета. Вот важно прошёл, весь голубой, здоровенный бездомный Пёс с медалью на ошейнике — зубчатой крышкой от консервной банки. Вот промелькнуло зеленоватое солнце. А вот пробежали ярко-жёлтые ребятишки.

— Карр-тинки, — хмыкнула Ворона.

И, не раскрывая крыльев, лихо свалилась в своё гнездо — одной веткой ниже.

Гнездо у неё было необыкновенное. Многоугольное. А на хворостинки навешены всякие цветные тряпочки и ленточки.

Снизу донёсся какой-то скрежет. Ворона выглянула. Это Пёс-медалист, удобно устроившись под деревом, с наслаждением грыз большую кость.

— Порра и мне под-карр-миться, — пробормотала Ворона и, пошарив под куском поролона на днище гнезда, выудила оттуда селёдочную голову.

Поглядела на неё, поглядела и пинком послала прочь.

Её тут же заглотил на лету толстый рыжий Кот, который скучал на подоконнике у приоткрытого окна возле большой тарелки с жареными рыбками.

— Капрриза, — усмехнулась Ворона.

Подслеповатая пожилая Хозяйка в круглых очках возникла в окне и ласково взяла Кота на руки.

— Давно уже вырос, а всё притворяюсь котёнком, — тяжело вздохнул Кот.

Ворона с интересом косилась на то, как угрюмый Кот лениво играет в комнате с большим клубком вязанья, как неохотно гоняется за игрушечными заводными мышками, как, отчаянно зевая, раскачивается на шторах.

— Игррунчик, — процедила Ворона.

Кот, ласкаясь, вспрыгнул на колени Хозяйки, задремавшей в кресле, и потёрся бочком о её руку.

— Прритворра, — пробурчала Ворона.

— Худенький какой, — растроганно проговорила Хозяйка, выливая из пакета сливки в миску на детском столике. И повязала своему любимцу салфетку вокруг шеи, чтоб не запачкался.

Кот, недовольно морщась, стал хлебать сливки.

Ворона облизнулась и, спланировав на землю, напилась из лужи.

Тяжело переваливаясь, Кот отошел от миски и с трудом вскочил на подоконник. Но Хозяйка всплеснула руками:

— Упадёшь! — И поспешно закрыла окно.

Кот уныло развёл лапами за стеклом: разве, мол, это жизнь?!

Ворона, снова взлетевшая в гнездо, только привычно хмыкнула:

— Живут же… коты!

Задумчиво посмотрел Кот на Ворону. Размечтался Кот: эх, если б он был Вороной!.. Летал бы он, Кот, над двором, растопырив лапы и подруливая хвостом. Дразнил бы огромного Пса с его сосисочной медалью. Спал бы в гнезде, а над ним на веревочке висели бы сушёные рыбьи головы. Живи — не хочу!

А Ворона завистливо глядела на Кота. Ей бы кошачью жизнь!.. Гонялась бы за клубком вязанья, качалась бы себе на шторах. Сидела бы гордо вон за тем столиком в чёрном фраке своего оперения с белой салфеткой на шее — жареную рыбку бы кушала. Сливками бы запивала. И никаких вороньих забот!

На другое утро, когда хмурый Кот опять появился на подоконнике, Ворона раздражённо сказала:

— Всё стррадаешь? Взял и удррал бы!

— Жалко её, — оглянулся Кот на дремлющую в кресле Хозяйку. — Пропадёт. Она одинокая.

И Ворона вдруг, затаив дыхание, предложила:

— Ну, хочешь, я… Котом буду?

Виляя телом, она прошлась кошачьей походкой по толстой ветке и игриво взмахнула хвостом.

— Карряу! — взвыла она, прокричав что-то среднее между «карр» и «мяу». — Я тобой стану, а?

— А я — тобой, — быстро согласился Кот.

И спикировал с подоконника прямо на дерево. С ветки на ветку переползал, а считал, что перелетает. «Мяурр!» — вопил, подражая вороньему крику. Раскинув передние лапы, словно крылья, по толстой ветке перед Вороной ходил, шеей и носом на ходу дёргал. Ну словно птица!

— Норрмально, — похвалила его Ворона. — Кррасиво!

А он настолько в раж вошёл, что у неё даже перо большое из хвоста выдернул.

— Карраул, больно! — вскричала Ворона.

Кот вставил себе перо за ухо.

— А-а, — понимающе протянула она. — Теперь ты совсем как я!

— А она скучать не будет? — внезапно засомневался Кот, вновь оглянувшись на дремлющую за окном Хозяйку.

— Со мной — не соскучится, — пообещала Ворона.

Так они и обменялись судьбой: Кот в гнездо забрался, а Ворона в квартиру влетела.

Перво-наперво Ворона мгновенно заглотила всех жареных рыбок и вылакала все сливки.

Затем запустила по паркету двух заводных мышек и игриво погналась за ними. Она закогтила обеих мышек лапами и с весёлым треском понеслась вокруг стола, как на роликовых коньках.

Хозяйка в кресле приоткрыла глаза.

— Карряу! — прыгнула ей на колени Ворона.

У Хозяйки очки с носа упали от удивления.

Цепляясь когтями за рукав, Ворона взобралась к ней на плечо и нежно потёрлась клювом о её нос.

Хозяйка, оробев, уронила клубок вязанья.

— Карряу! — жизнерадостно погналась за ним Ворона.

Запутавшись в пряже, носилась она по квартире. Нитки, словно дремучая паутина, перекрестили всю комнату, от люстры до ручек дверей.

А в довершение всего Ворона принялась грациозно на шторах качаться. Туда-сюда, туда-сюда!

— Кис-кис-кис… — очнувшись, слабо сказала Хозяйка.

— Карряу! — ещё веселее возопила Ворона. А ниток-то, ниток на ней!

Кокетливо улыбнулась Ворона Хозяйке и хвостом по полу заюлила, ласково так. И ещё больше в пряже запуталась. Только несвязанные крылья торчат.

Схватила Хозяйка очки, надела их. И сразу увидала: это не Кот. А что-то такое — непонятное!

— Словно подменили, — ахнула она. И начала поспешно подматывать нить, чтобы подтянуть странное существо поближе.

Ещё ближе… Ближе!

Быстро перекусила Ворона клювом нитку. Ринулась испуганно прочь в открытое окно.

Вся в длинных нитках, ухнула она в своё гнездо, прямо на спящего Кота! Он взвыл спросонок. Гнездо рассыпалось! Уцепился Кот за нитки!..

Летит над двором, тяжело хлопая крыльями, Ворона. Кот за пряжу держится — под нею висит.

— Мяурр!

— Карряу!

А внизу Пёс громадный гонится за Котом, которого Ворона низко над землёй несёт. Кот уже асфальт метёт хвостом перед носом Пса. Спасаясь от него, Кот по ниткам вверх карабкается, к Вороне.

Изо всех сил поднажала Ворона, и… Кот вдруг оказался на спине Пса.

Взревел Пёс!

Так и помчались они втроём: внизу очумелый Пёс, а Кот верхом на нём, подвешенный к летящей Вороне.

— Гав-гав! Мяу! Карр! — истошно вопила неразрывная троица, сметая всё на своём пути.

За ними развевались и хлопали прицепившиеся к ним простыни на верёвках.

…Шёл мелкий дождь.

Взъерошенные Пёс, Кот и Ворона, тяжко дыша, пили воду из лужи.

Дождь усилился. Пёс и Кот, прихрамывая, пошли прочь в разные стороны.

— Докаркался, — проворчала вслед Коту Ворона.

— Домяукалась, — язвительно отозвался Кот.

— Нет, хорошо всё же быть Вороной, — облегчённо вздохнула Ворона.

— Лучше всего быть Котом, — вторил ей Кот.

А Пёс оглянулся на ходу и мрачно заявил:

— Приходите завтра, ещё покатаемся.

ХИТРАЯ ВОРОНА И ПЕС

Здоровенный взбалмошный Пёс не давал во дворе проходу ни Вороне, ни её новому другу Коту.

После того, как Ворона и Кот так рискованно попробовали обменяться судьбой, они и подружились. Общие испытания сближают.

Да и Хозяйка Кота перестала теперь уж слишком дрожать над своим любимцем и разрешала ему гулять во дворе. А то он с тоски взаперти мало ли что надумает: захочет вдруг навсегда стать бездомным котом, чтобы всласть бродяжничать и горланить песни.

А зловредный бездомный Пёс — вот оно, кстати, уличное воспитание! — житья не давал новым друзьям. У Вороны он всё время пытался выдрать перья из хвоста, очевидно, на память, а Кота гонял просто по собачьей привычке.

Очень невзлюбили его Ворона и Кот.

Но всё-таки есть на свете справедливость. Однажды, внезапно, неожиданно и вдруг, под покровом темноты, при таинственных обстоятельствах, злодейского вида незнакомый дядька похитил Пса. Он усыпил хвостатого олуха таблеткой снотворного, спрятанной в вафельном стаканчике шоколадного мороженого, — перед таким лакомством ни одна собака не устоит! — затем положил его в огромный чемодан и увёз за город на электричке.

Любопытная Ворона не спала и сумела проследить за похитителем. До вокзала она долетела, а потом с удобством проехалась на крыше вагона.

Оказалось, тот зловещий дядька жил в собственном каменном доме с большим садом, и ему был нужен сторож для охраны его владений. Он посадил Пса на цепь у внушительной конуры и заставил стеречь дом и сад.

Пёс выходил из себя от ярости. А новый хозяин только довольно потирал ладони. Повезло, такой злющий сторож! Он даже палкой его поколачивал, чтобы тот был ещё злее!

Ворона ликовала. Наконец-то они избавились от вредного Пса. Она и Кота доставила знакомым путём, на крыше электрички, прямо на место — полюбоваться на справедливую судьбу их общего врага.

В то время хозяина не было дома, и Кот с Вороной смело расхаживали у самой пасти своего обидчика, до предела натянувшего цепь, и потешались над ним.

— Сластёна! — хохотала Ворона. — На мороженое польстился! Олух и есть олух!

— Сиди теперь тут всю жизнь! — хихикал Кот. — Губошлёп!

Ворона даже своим хвостом, как метёлкой, этому будочнику по носу презрительно махнула. И напрасно!

Пёс взревел от столь немыслимого унижения и так рванулся, что сорвал свою будку с места и выхватил у Вороны пучок перьев из хвоста.

Ворона и Кот бросились прочь.

Ринулся за ними Пёс, волоча за собой на цепи будку. Пыль столбом!

Трудно пришлось без хвостового руля Вороне. То кое-как пролетит, то кое-как пробежит несколько метров.

Вовсю улепётывал и перепуганный Кот. Куда только его обычная лень подевалась? Спасаясь бегством, он мигом взлетал на попутные деревья и, как белка, перепрыгивал с ветки на ветку. Страх чему хочешь научит!

Впереди показался железнодорожный переезд.

— Товаррняк идёт! — завопила Коту Ворона. — Быстррей, а не то крранты!

Кот прибавил прыти.

И они все втроём проскочили прямо перед носом локомотива.

Вот только поезд цепь переехал, и Пёс своей будки лишился, чему потом вовсе не огорчался.

Ворона умудрилась на крышу вагона сесть, а Кот и Пёс на ходу вспрыгнули на заднюю

площадку последнего вагона. Конечно, Кот тут же на крышу к Вороне залез, а Пёс так и остался на площадке. Он с изумлением смотрел на убегавшие назад рельсы. Чего только не совершишь в запале погони!

— В прравильном напрравлении едем, — встала на цыпочки Ворона.

Так они благополучно вернулись назад, домой. Правда, Ворона хвост потеряла, а Пёс получил обрывок цепи на свою шею.

Хотя Пёс и был бездомным, но назвать его бездворовым было никак нельзя. Он очень обрадовался, увидев свой двор, и привычно улёгся под деревом.

Ворона забралась в гнездо и, тщательно выбирая запасные перья, принялась ремонтировать пострадавший хвост.

— Всё ты! — осудил её с подоконника Кот. — Ты во всём виновата!

А Ворона, склонив голову набок, покосилась вниз на сладко задремавшего Пса и внезапно сказала:

— Зато как я его спасла! — И гордо задрала нос.

— Не ты, а мы! — тут же обиделся Кот.

КЛЕТКА

Проснулся в своей норе на охапке сена толстый хомяк Хома. Встал, потягиваясь, и зашагал вперевалку по подземному ходу.

Осторожно высунулся наружу и стал оглядываться.

Это раннее утро, казалось, не предвещало никакой опасности. Пустынны были и небо, и луг, и сквозная роща поодаль. И на берегу ручья среди кустов ивняка — вроде бы никого.

Хома опять недоверчиво осмотрелся. И вздрогнул! Оттого, что из соседней норы голова Суслика вынырнула. Он тоже вздрогнул, внезапно увидев соседа.

— Доброе утро! — поздоровался Хома.

Суслик кивнул, уняв дрожь, и продолжал зорко оглядываться.

— Еще неизвестно, доброе ли оно, — пробурчал он.

Хома, храбрясь, раздул щёки и пренебрежительно фыркнул. И даже вылез из норы по пояс и гордо скрестил на груди лапы. Суслик неодобрительно покачал головой.

По земле между ними пробежала зловещая крылатая тень.

Друзей словно ветром сдуло! Они мгновенно провалились под землю.

Из глубины норы сквозь чёткий кружок входа Хома увидал в небе грозного Кобчика. Меньшего собрата из хищной семьи коршунов.

Вздохнул щекастый Хома, зашагал обратно по подземному ходу и — что ж ещё делать? —

снова плюхнулся на охапку сена.

И тощий долговязый Суслик тоже вновь завалился спать у себя в норе.

А Кобчик низко покружил над их норами, разочарованно повернул и растаял вдали.

Затем по лугу пробежала Лиса. Склонилась прямо над норой Хомы. И стала жадно нюхать воздух.

От её мощного дыхания Хома, спавший в глубине норы, то отодвигался, то снова придвигался вместе с постелью к стене.

Затем Лиса жадно задышала у соседней норы.

Дремавший в подземелье Суслик чутко открыл глаза и испуганно ухватился за свисавший с потолка корешок.

Лиса втянула в себя воздух, и задние лапы Суслика подняло вверх. Затем их опустило вниз, когда она выдохнула. Лиса стала суетливо рыть землю, расширяя проход. Но нора тянулась глубоко, и вскоре она бросила бесполезное занятие.

Тявкнула сердито Лиса и побежала по лугу дальше.

А Хома тем временем опять проснулся.

И, потягиваясь, снова высунулся из норы.

Никого. И на лугу, и в роще, и в небе вокруг.

Тихо… Лишь звенели кузнечики да журчал неподалёку ручей.

Посмотрел Хома на ручей, облизнулся. Уж очень ему пить хотелось, иначе бы он не вылез. Выбрался Хома и заспешил к ручью.

Прибежал на берег, торопливо попил и даже умылся: плеснул себе горстку воды в мордашку и лапой растёр.

Выглянул из своей норы и Суслик. Увидел соседа возле ручья. Тоже облизнулся, тоже пить захотелось.

Вылез. А идти боится. Сделает три робких шажка и застынет столбиком.

А Хома, осмелев, ему лапой беспечно машет: иди, мол, скорей, пока нет никого!

Решился Суслик, стремглав подбежал, жадно приник губами к воде.

А вокруг — красота, тишина, покой.

Но Хому и Суслика не проведёшь. Нет-нет да и оглядываются по сторонам.

Хома решил ещё попить — впрок.

Звонко плеснула рыба, и друзья привычно вздрогнули — вся шёрстка дыбом!

Только снова наклонились к ручью, опять вздрогнули. А это лишь какой-то важный жук-жучок, прогудев, мимо пролетел.

Сорвалась с ветки капля росы в ручей — пок! Хома так и присел!

Тишина. Лишь ручей журчит да птички чирикают.

Вновь склонился Хома попить, увидал свое взъерошенное отражение, намочил лапу, стал чуб приглаживать.

И вдруг на дно ручья уставился. Что-то рассматривал, ещё ниже нагибался, словно собирался нырнуть.

— Чур, первый нашёл! — вскричал он и лапами рот себе зажал.

Снова с опаской оглянулся, зашёл в ручей, нашарил что-то под водой и давай тащить.

Пыхтит, отдувается, бормочет:

— Ишь, как увязло! Бросил бы, да жалко. Вдруг что-то ценное!

Поднатужился — и бряк прямо на берег с птичьей клеткой в лапах. Вся она была в иле и тине.

Прополоскал её Хома в ручье. Посмотрел, ржавую дверцу открыл, даже внутрь заглянул — ничего ценного.

Но выбросить было жалко.

— Хорошая клетка, — задумчиво молвил Хома.

— Зачем она тебе? — прошептал Суслик. — Ну её!

— Ну — тебя! — рассердился Хома, по-хозяйски взваливая клетку на спину. — Может, пригодится.

Внезапно Суслик истошно вскричал: «Лиса!», завидев рыжую хищницу, выскочившую из рощи, и опрометью кинулся домой.

Хома бросил клетку, замешкался, дорогие мгновенья потерял. Суслик уже в норе скрылся. А Хоме — куда? Некуда! Впереди — Лиса, позади — вода.

Мчится на Хому Лиса!

Вот и метнулся он от отчаяния прямо в клетку. И дверцу защёлкнул. Чуть лисий нос не прищемил!

Разъярилась Лиса! И так и сяк пробует клетку открыть. Ничего не получается — лапа велика, внутрь не пролезает.

А Хома в клетке дрожит как осиновый лист.

Попробовала тогда Лиса железные прутья перегрызть. Напрасное дело: грызёт — только искры сыплются, а толку никакого.

А Хома всё дрожит, знай лапу слюнит — искры гасит.

Крак! Лиса клык сломала. Отлетел её белый острый зуб в клетку к Хоме. Села мрачно она, подбородок лапой прижала.

— Можно я его, — взял лисий клык Хома, — на шее носить буду, на счастье?

Лиса лишь злобно сверкнула глазами и застонала.

Сорвал Хома снаружи какую-то травинку и протянул ей сквозь прутья.

— Шалфей! Очень от зубов помогает. От лишних, — уточнил он.

Размахнулась она когтистой лапой и так ахнула по клетке, что сама затрясла лапой от боли. А Хоме в клетке хоть бы хны!

— Да-а… Теперь заживём! — расхрабрился он. — Пока!

Помахал Хома Лисе на прощание, наклонил клетку, продел ноги сквозь прутья, приподнял её немного — и потопал себе восвояси.

Лиса, выпучив глаза, смотрела ему вслед.

Небрежно посвистывая, шёл Хома домой. Довольный!

Дрожа и озираясь, стоял столбиком у своей норы Суслик.

Неожиданно — о, ужас! — из густой травы появился какой-то решётчатый конус с тёмной фигурой внутри.

— Ах! — Хлопнулся Суслик в обморок.

А быстроногая Лиса опять тут как тут — хвать его!

И вдруг сзади — грозный крик:

— Отпусти Суслика!

Это Хома, сложив лапы рупором, из клетки проорал.

Выронила Лиса с перепугу добычу. Суслик, мигом очнувшись, взвился в прыжке и удачно провалился в свою нору.

— Опять ты? — узрев Хому, простонала Лиса и постучала себя когтем по лбу. — Одноклеточный!

И, величаво махнув хвостом, с достоинством удалилась. Чего это ей стоило!

А Хома вылез из клетки и почему-то принялся свою нору расширять. Лапами заработал, земля так и посыпалась. Удивлённо смотрел Суслик, как из норы Хомы вылетают комья земли.

Затем, пыхтя, и сам хозяин выбрался, забрался в клетку и мелким шажком просеменил перед потрясённым соседом. Туда и сюда. Каково!

Суслик захлопал в ладоши.

— Удобно, — с завистью сказал он. — Изумительно и замечательно! И поразительно!

— Изумительно, замечательно, поразительно… — передразнил его Хома. — Бе-зо-пас-но!

И легко пролез вместе с клеткой в свою расширенную нору. И там прямо в клетке прилёг отдохнуть.

Но этим всё не кончилось.

Вечером под одинокой берёзой на лугу Хома и Суслик всякие зёрнышки собирали. Ужинали. Есть-то надо.

Хома выглядел великолепно: в клетке, украшенной ромашками, и с лисьим зубом, привязанным к травинке на шее.

Раздвинув ветки куста, пристально наблюдала за ними притаившаяся неподалёку Лиса.

Трудно, конечно, Хоме с непривычки в клетке ходить и зёрна искать. Суслик нет-нет да и просунет ему сквозь прутья лакомые травяные зёрнышки. По-соседски, по-дружески.

Издали, из тёмной рощи, донёсся волчий вой.

— Боюсь, — задрожал Суслик.

— За меня не бойся, — усмехнулся Хома.

— Каким ты смелым стал! — восхитился Суслик.

— Ага, — согласился Хома. — Раньше у меня просто клетки не было.

А Лиса тем временем бесшумно поползла вперёд.

Внезапно увидел Хома — идёт на него кто-то на передних лапах, голова внизу, задние лапы вверху!

— Ох! — ужаснулся Хома внутри клетки.

— Да это я! — торжествовал Суслик, вновь становясь на задние лапы. — Давай играть!

И начали они играть в чехарду.

Первым Хома попытался через Суслика прыгнуть. С клеткой ничего не получается.

Смеётся Суслик:

— Прыгать не умеешь!

Обидно такое слышать.

А Лиса всё ближе подкрадывается.

Разогнался как следует Хома и прыгнул. Да так, что не только через Суслика перескочил, но ещё и огрел своей клеткой ползущую Лису по макушке!

Взвыла Лиса. Суслик тут же удрал. А она схватила клетку, бешено раскрутила её и швырнула вдаль.

Лежал себе в роще под деревом серый Волк, в небо смотрел. Наверно, звёзды считал.

Внезапно над ним какой-то решётчатый конус пролетел с тёмной фигуркой внутри.

— На посадку пошёл, — пробормотал Волк. — Пришелец!

Срезанный клеткой сук больно стукнул его по носу.

Сидел себе мирно Медведь на брёвнышке возле своей берлоги, устроенной под корнями дуба.

И тут словно взрыв раздался!

Это Хома в клетке прямо в медвежью берлогу угодил, пробил её насквозь и покатился по

косогору.

Дуб так и рухнул! Еле-еле успел Медведь отскочить!

А клетка с Хомой, бывает же, прикатилась к норе Суслика. Такое вот кругосветное путешествие.

— Прыгать — тоже уметь надо! — гордо сказал Хома выглянувшему Суслику.

— Я тобой горжусь, — только и смог сказать лучший друг.

— Теперь Лиса меня за километр обходить будет. Или за два!

— А можно и меня… за километр? А лучше за два! Скажи ей, а? — попросил Суслик.

— Утром напомни, — важно ответил Хома. И скрылся в норе, вместе с клеткой.

В это время Лиса, Волк и Медведь собрались на совет. Возле разрушенной берлоги.

— Какой-то хомяк!.. — возмущалась Лиса. — Что хочешь делает, и ничего с ним сделать нельзя!

— Меня с носом оставил! — пожаловался Волк, показывая на носу шишку.

— Сделаем так, — грозно произнёс Медведь. — Пойдёшь, Лиса, завтра к нему…

И зашептал ей что-то на ухо.

Всю ночь Хома спал. Безбоязненно.

А утром смело пошёл купаться. Вместе со своей клеткой, конечно.

Зашёл в ручей по грудь. То присядет, окунаясь с головой, то вынырнет внутри клетки.

Уфф — исчез. Пфф — появился. Красота, кто понимает!

Вернулся к своей норе. А там его Лиса поджидает. Помахивая хвостом, она подъюлила к нему.

— Хома, а Хома, — ласково обратилась Лиса, — шуму от тебя много, тихоня. Все тебе завидуют… Даже Кобчик про тебя знает. Ему сверху всё видно. Мы тут посоветовались с Волком и Медведем: твой дурной пример — заразительный. Мы тебя теперь и когтем не тронем, брось только свою проклятую клетку!

— Она мне дороже жизни, — напыжился Хома. — Жизнь нынче дорога. Очень!

— Напоминаю! — глухо донеслось из соседней норы.

— Да… Суслика больше не гоняй, — внушительно приказал Хома.

— Что?

— Не обижай Суслика! — во всё горло завопил Хома. И вконец разошёлся: — Вольному — воля! Свободу — всем! Каждому — по клетке!

Лису даже передёрнуло.

— Хомло! — процедила она и затрусила к роще.

Выскочил из норы Суслик. Попытался Хому вместе с клеткой обнять:

— Ты настоящий друг, Хома!

Прошло несколько дней.

Вылез Хома однажды утром из норы, как всегда, в клетке. Зевнул, потянулся, кулачками глаза протёр. Глянул и остолбенел!

Висят на ветках одинокой берёзы клетки с птицами. На дупле у Дятла — решётка. На входе в нору Суслика — тоже.

А вскоре Хома и про Лису, Волка и Медведя кое-что узнал.

Пришла Лиса, одетая в деревянную клетку, к новой берлоге Медведя. Он в ней что-то доделывал: толстые сырые колья для решётки то гнул, то придирчиво выпрямлял.

— Не понимаю, — томно заявила Лиса. — Я Волка побаиваюсь, а он — вас. Ему, так и быть, клетка нужна. Видела я его в ней. Глупый у него там вид. Но вам-то это зачем?

— На всякий случай, — пробасил он. — Что я, хуже других?

И проводил взглядом Божью коровку — та ползла в своей крохотной клеточке по крупной решётке входа в его берлогу.

…Уныло смотрел теперь Хома из клетки на луг и на небо.

Кобчик пролетел — в диковинной клетке, — только для крыльев побольше отверстия были.

Все — за решёткой!

Вдруг какой-то свободный Комар-одиночка с нахальным зудом влетел к Хоме в клетку. Тот озабоченно завертел головой.

— В клетке, а боится, — язвительно пропищал Комар.

— А ты-то почему без клетки? — вскричал Хома.

— Я не здешний! — Клюнул Комар его в нос — и прочь.

— А-а! — завопил Хома и погнался за ним.

Но с клеткой — побегай, тяжело всё же. В ярости распахнул он дверцу и выскочил наружу.

— Ты куда? — заверещал Суслик из-за своей решётки.

Затоптался Хома на месте:

— Такого комара упустил…

— Вернись в клетку! — крикнул Суслик.

Поглядел, поглядел Хома по сторонам и хитро улыбнулся.

— Ну, если уж все теперь в клетках, мне-то она зачем?!

Снял с шеи лисий клык на травинке, лихо раскрутил и бросил его далеко — на счастье.

И весело побежал свободный Хома под вольным небом по привольному лугу.

СКАЗКА О НЕУДАЧНИКАХ

В одном сказочном посёлке жили…

Но сначала — о самом, посёлке. Это был, пожалуй, даже маленький городок с пёстрыми домиками-будками и ухоженными зелёными двориками. На островерхих крышах юрко вертелись флюгера — жестяные петушки, собачки, кошечки, кролики.

Собственно, в этих домиках и жили-то лишь домашние животные, в основном, собаки и кошки. Потому-то посёлок и сказочный.

В то ничем не примечательное утро какой-то котёнок перебегал улицу, беззаботно гонясь за пушинкой. И тут из-за поворота вылетел модный, старинного вида, автомобиль. За рулём сидел Петух с фотоаппаратом на шее. То ли проезжий турист, то ли заезжий репортёр.

Он поспешно нажал на резиновую грушу сигнала, который хрипло проголосил: «Ку-ка-ре-ку!» Котёнок отпрыгнул прочь, и автомобиль укатил дальше по дороге, скрывшись в клубах пыли.

На необычный звук сигнала выскочил из будки на соседнем дворе неказистый лопоухий Пёс. Он тут же забарабанил лапами в дверцу ближайшего домика.

— Вставайте!

Сонно потягиваясь, наружу вылезли два кота: Чёрный и Белый. Так их все называли.

— Проспали! — вскричал Пёс. — Опоздали!

Они промчались через пустынный посёлок. И осторожно побежали по старому мостику, перекинутому через глубокий овраг.

Внезапно кот Белый, оступившись, чуть не провалился в прореху настила, но кот Чёрный удержал его на ходу.

Белый на миг глянул с опаской вниз — брр! Там петлял свирепый каменистый ручей, ныряя у поворота оврага под сукастый бурелом.

Пробежав мостик, друзья недоуменно остановились. На скамейках самодельных трибун, окружавших зелёный луг со спортплощадкой, никого не было!.. Только на отдельной скамейке, предназначенной для прессы, восседал Петух с фотоаппаратом. Всё-таки он оказался заезжим репортёром. Поодаль виднелась его машина. Видать, он заехал сюда окружным путём.

— Говоришь, проспали?! — проворчал кот Чёрный, уничтожающе взглянув на Пса.

Пёс отрешённо почесал задней лапой затылок. А Белый с восторгом заявил:

— Зато мы лучшие места займём!

Лишь теперь вдали на башенке посёлка открылось под часами оконце, и механический петух прокричал на всю окрестность: «Ку-ка-ре-ку!»

Вскоре повалили зрители. Собаки, кошки, кролики, гуси заняли все места на лавочках стадиона. Конечно, лучшие места наши друзья успели захватить. Но перед ними неожиданно сел на землю опоздавший, огромный как шкаф, барбос.

Он заслонил собой начавшийся парад собак — участников Больших Собачьих Соревнований, о которых было объявлено ещё месяц назад.

Иногда барбос порывисто отклонялся то влево, то вправо. И тогда друзьям удавалось увидеть хоть краешек состязаний на площадке: чей-то прыжок, чей-то кувырок…

Зрители восторженными криками подбадривали выступавших. Они неудержимо болели за своих соседей по двору.

Когда изящный белый пудель совершил лихой пируэт на гимнастическом бревне, какой-то чернющий кот взвился в заднем ряду, истошно вопя:

— Уря-у! — И гордо заметил примолкшим соседям:

— С моего двора! Я ему нарочно четыре недели дорогу не перебегал!

Барбос по-прежнему мешал друзьям смотреть соревнования. Тогда наш лопоухий сутулый Пёс, не сходя с места, вытянулся так, что стал намного выше ростом.

Теперь он всё видел отлично! Однако, вспомнив и про своих малорослых друзей, он заботливо посадил их себе на плечи.

Коты бурно переживали захватывающее зрелище: лезли выше, на самую голову Пса, дёргали его за уши и чуть ли не падали от восторга. Доставалось и задним зрителям. Кошачьи хвосты то и дело маячили у них перед глазами. И раздражённым болельщикам приходилось откидывать их в стороны, словно пушистые кисти на занавесе.

Пёс тоже переживал азартно: поднимал уши топориком, невольно выгибал грудь колесом, разворачивал плечи. Ах, как он, наверно, хотел сейчас быть на месте спортсменов!

Заметив это, коты Белый и Чёрный многозначительно переглянулись.

А на лугу маленький кривоногий французский Бульдог под рёв болельщиков взял рекордную высоту, прыгнув спиной через планку.

Зрители неистовствовали!

И вот состязания закончились. Председатель жюри — русский черно-пегий Спаниель наградил золотой медалью Бульдога. Раздался шквал аплодисментов!

Члены жюри — шотландский Колли в клетчатом берете, кавказская Овчарка в обширной кепке и многонациональная Дворняга в шляпе — объявили в блестящие звонкие рупоры:

— Всем, всем, всем дворам! Следующие Междворовые Соревнования Собак состоятся через месяц! Четвероборье! Скоростной бег, прыжки в длину, прыжки в высоту и спортивная гимнастика на бревне! Приглашаются все желающие! Победителю — переходящая золотая медаль!

Наш Пёс даже привстал.

— А что мы, хуже? — кивнул кот Белый на Пса. — От нашего двора выступит — он! Он ещё и медаль у нас…

— У тебя, — хмыкнул Чёрный.

— У меня — получит! — твердо заявил Белый. И обернулся к Псу. — Хочешь выступить за наш двор?

— Ещё бы не хочу! — расплылся в улыбке Пёс.

— Видишь, не хочет, — тут же заметил Чёрный.

— Он сказал: «Ещё бы не хочу!» — сурово посмотрел на него белый собрат. — Значит, ой как хочет!

— Ой как! — торопливо подтвердил Пёс. — Да я за наш двор горы сверну!

— Давай я твоим тренером буду, а? — предложил Белый.

Пёс замялся, неуверенно пожал плечами и робко промолчал.

— Не желает, — усмехнулся кот Чёрный.

— Желает! — вновь рассердился Белый.

Маленький французский Бульдог проходил мимо, гордо неся на шее золотую медаль. Остановился и насмешливо сказал:

— Только его и не хватало!

Кот Белый угрюмо покосился на чемпиона.

— И сам не позорься, и свой двор не позорь, — посоветовал Бульдог лопоухому Псу. — С твоими данными только на муравьиных бегах выступать.

И, хихикнув, важно удалился.

— Ещё посмотрим! — крикнул ему вслед раздосадованный Пёс.

— Поглядим! — яростно вторил ему кот Белый.

— И не увидим, — расхохотался, оглянувшись, Бульдог.

А кот Чёрный ничего не сказал. Он озадаченно почесал задней ногой затылок. Очевидно, по привычке, передавшейся ему от Пса.

Друзья остались одни на лугу. Кот Белый мечтательно посмотрел на Пса. И вдруг представил, как на шее у того засверкала медаль!

— Ничего у нас не выйдет, — мрачно сказал кот Чёрный.

Видение рассеялось — медаль тут же пропала.

— У него — не выйдет? — возмутился Белый, внушительно указывая лапой на понурого Пса, глупо открывшего рот и развесившего уши. — У этого богатыря?!

Неказистый Пёс сразу преобразился: плечи раздвинулись, глаза засверкали, усы растопырились.

— Не знаю… — вновь засомневался Чёрный.

— А я знаю. Он — скрытый талант! — вскричал Белый. — И я его открою!

Первая тренировка состоялась на лугу на следующий же день, рано утром, когда посёлок ещё спал.

Кот Белый раскрыл толстый спортивный учебник, взглянул на рисунок и… рявкнул на Пса:

— Как сидишь?

Пёс мигом принял стартовую позу.

Белый моментально возвёл это в немыслимое достоинство:

— А! Гений!

— Дожил! — послышался чей-то язвительный голос.

Пёс и коты обернулись.

— Коты его тренируют! — ехидно продолжил маленький французский Бульдог, спортивной трусцой пробегая мимо них по дорожке.

Прямо со стартовой стойки Пёс в ярости погнался за обидчиком. Но Бульдог поднажал и, обидно хохоча, скрылся вдали.

Пёс вернулся, устало высунув язык.

— Займемся бегом вплотную, — озабоченно сказал тренер Белый.

Велико же было изумление кота Чёрного после того, как он на мгновение отвернулся!.. Пёс бежал по кругу, а тренер сидел на нём верхом и, заглядывая в учебник, командовал:

— Ритмичней!.. Дыши ровней!.. Рули хвостом по ветру!

Затем после короткого отдыха занялись прыжками в длину. Пёс разбежался и прыгнул… на какую-то пядь, да и то покатился кубарем.

Тренер удачно успел отскочить в сторону и одобрительно воскликнул:

— Замечательно! Ещё бы чуть-чуть…

— И от тебя бы ничего не осталось, — съязвил кот Чёрный, угрюмо наблюдавший за тренировками со стороны. — Он у тебя тройной бес: беспородный, бесталанный, бестолковый!

— Ничего подобного. Очень толковый! — нахваливал Пса тренер.

Тренировки продолжались.

Увы, не зря сомневался Чёрный кот. Пёс плашмя упал с гимнастического бревна. Встал, отряхнулся, уныло махнул лапой и побрёл прочь.

Белый метнулся за ним, схватил его за хвост и потащил было к стадиону. Но Пёс, не оглядываясь, уходил, волоча за собой тренера.

— Гигант! — громко донёсся им вслед язвительный голос.

Это заявил, подтягиваясь на турнике, маленький французский Бульдог.

— Кто? Я? — сразу же со смущённой улыбкой оглянулся на него доверчивый Пёс.

— Ну, конечно же, ты, — поспешно увлёк своего подопечного обратно на площадку тренер Белый.

Тренировки снова продолжились.

Вот Пёс стремительно разогнался для прыжка в высоту.

— Не возьмёт, — бубнил Чёрный.

Пёс лихо пролетел… под планкой, на которой сидел тренер с раскрытым на нужной странице учебником.

Маленький Бульдог только хихикал, потешаясь над ними:

— А тренер-то!.. Такого бы за хвост — и на крышу!

Тем не менее тренировки шли, то неудачно, а то и успешно, целый месяц.

Особенно не давались Псу прыжки в высоту. Частенько он ломал планку на лету грудью.

— Запомни, — как-то вмешался кот Чёрный в тренерские права Белого. — Это лишь ленточку на бегу рвут, охламон!

— Бездарности, — привычно обозвал всех с гимнастического бревна Бульдог. — Кончайте это безнадёжное дело, пока не поздно.

— Вообще-то правильно, — вздохнул кот Чёрный. — Даже мудро.

— А уж ты бы не мяукал! — прорычал на него Бульдог. Он решил, что над ним издеваются.

— Погавкай у меня! — обиделся Пёс за друга.

— Тихо! Начнём сначала, — упрямо сказал кот Белый.

Накануне соревнований тренер собственноручно, а точнее, собственнолапно, искупал Пса в корыте и заботливо расчесал его шерсть большим гребнем. А уши деловито подправил резиновым клеем, чтобы не обвисали.

— Всё равно провалится, — горестно заметил Чёрный.

Белый гулко постучал себя по груди кулачком.

— Ты меня лучше не раздражай. Я страшен во гневе!

— Без гнева ты ещё страшнее, — пробурчал Чёрный.

Пёс молча затрясся от смеха, но осёкся под взглядом тренера и машинально принялся делать разминку.

— Не провалится, — одобрительно кивнул Белый.

И вот наступил знаменательный день соревнований.

Собрались зрители, судьи, спортсмены.

Сначала участники прошли комиссию по экстерьеру. Вернее, отборочная комиссия — Колли, Овчарка, Дворняга — прошлась перед строем, придирчиво осматривая внешний вид спортсменов.

С изумлением уставилась комиссия на длинные, лихо торчащие уши нашего ухоженного Пса. Но тут её внимание, к счастью, привлёк чёрный Терьер, замыкавший строй: хвост в репьях, одно ухо вверх, другое вниз. Ему дружным жестом указали — вон отсюда!

Кот Белый толкнул локтем Чёрного.

— Видал?

Председатель жюри Спаниель ударил молоточком в гонг: начали!

Стремительный бег Пуделя… Щёлкают секундомеры в лапах членов жюри. Щёлкает затвор фотоаппарата у репортёра Петуха.

Коронный прыжок Бульдога через планку. Судьи поднимают таблички: «5 +»! Пять с плюсом! Лишь один из них оценил достижение на «пять с минусом». Негодующий гул стадиона!.. Артистическое выступление Болонки на гимнастическом бревне. Она изящно пританцовывала, подбрасывая носом большой разноцветный мяч. Одобрительный рёв болельщиков!..

В конце концов дошла очередь и до нашего Пса, выступавшего последним.

— Не подкачай, родной! — заверещал кот Белый, когда его ученик разогнался для прыжка в длину.

Пёс приземлился далеко от черты. Но придирчивый Колли отмерил ему длину прыжка по хвосту, вытянутому назад.

Напрасно подбегал к ним тренер Белый, протестовал и заворачивал своему питомцу хвост кольцом, доказывая, что прыжок — рекордный. Колли был неумолим: правила есть правила!

Возмущённого Белого пришлось под лапы вывести с поля двум дюжим Доберманам-Пинчерам и усадить обратно на скамейку.

Псу продолжало не везти. Начав ошеломляющий пируэт на бревне, он сделал стойку прямо на ушах.

— Аж на ушах стоит! — ахнул кто-то в удивлённой тишине.

Внезапно послышался ехидный возглас Бульдога:

— Смотри не упади!

Уши у Пса враз разъехались, и он закончил своё выступление под бревном. Ну а планку на рекордном прыжке в высоту он вообще умудрился унести с собой в зубах, чему и сам неимоверно поразился.

— Выше себя не бери! — опять крикнул Бульдог.

От бега же по кругу Пёс совсем отказался, настолько расстроился.

Зрители дружно зааплодировали. Но, конечно, не ему. Это Спаниель снова повесил всё ту же переходящую золотую медаль на шею победителю — маленькому французскому Бульдогу. По сумме баллов он сумел всех превзойти: даже стремительного Пуделя и изящную Болонку!..

Чёрный кот в сердцах махнул лапой и грустно побрёл восвояси, на свой безмедальный двор.

Все разошлись. И так получилось, что на спортплощадке оказались только двукратный чемпион Бульдог, наш Пёс и кот Белый.

— Ты уж меня извини… — пробормотал коту Пёс. Он вконец приуныл: уши обвисли, поникли усы, он стал меньше ростом.

— Нет уж, извини, ты меня извини, — горячился Белый. — Ты выступал хорошо. Я

тренировал плохо!

— Прости… — продолжал бубнить Пёс.

— Нет, прости, ты меня прости. Таких тренеров, как я, надо бы за хвост — и на крышу. Не огорчайся, ещё потренируемся, и на следующий год медаль — наша!

Бульдог пренебрежительно фыркнул, потёр щекой медаль для большего блеска и гордой походкой отправился домой.

Они возвращались в посёлок втроём по старому мостику над глубоким оврагом — впереди Бульдог, спесиво задравший нос, позади понурые Пёс и кот Белый.

И вдруг чемпион, не заметив дыры на своём пути, шагнул и провалился сквозь настил.

Пронзительный вопль донёсся из глубины оврага. Падая, Бульдог угодил прямо на тонкое деревце над ручьем. Мгновение, и его подбросил спружинивший от удара гибкий ствол. Чемпион взлетел вверх, вынырнув перед растерянными спутниками, и вновь с воплем провалился в ту же дыру.

Разом склонясь над ней, Пёс и Белый увидели Бульдога, застрявшего в рогульке деревца. Он безуспешно пытался высвободиться. Под ним свирепо бурлил каменистый ручей.

И тут наш Пёс бросился на помощь. Отчаянный прыжок вниз, и он ловко обхватил ствол деревца всеми четырьмя лапами.

Ствол размашисто помотался с ним и с пленником Бульдогом, описывая дугу от ручья до самого склона оврага, и наконец застыл, ещё ниже наклонившись к потоку.

Тогда Пёс встал. Двинулся, покачиваясь, вперёд по тонкому дрожащему стволу к попавшему в западню Бульдогу.

Чемпион продолжал дёргаться. Верхушка деревца с развилкой угрожающе затрещала.

Чудом сохраняя равновесие — это тебе не гимнастическое бревно, — Пёс ловко приблизился к Бульдогу.

— Держись, — и протянул ему лапу.

Чемпион изо всех сил рванулся к нему. Рогулька отломилась и вместе с пленником упала в шумный поток.

Пёс мигом соскочил на окутанный пенистыми брызгами камень на середине ручья. Неимоверными «прыжками в длину», с валуна на валун, спасатель кинулся вслед за Бульдогом. Но чемпиона неумолимо уносила прочь быстрая вода.

— Тону! Спасите! — вопил Бульдог. — Помогите!

Течение швырнуло его в просвет под буреломом, замыкавшим поворот оврага.

Наш Пёс оттолкнулся от последнего на пути камня. В головокружительном «прыжке в высоту» он перелетел через частокол бурелома. Очутился по ту сторону на другом валуне. И выхватил из бушующей воды незадачливого чемпиона, подняв его на рогульке. Словно сачком!..

…Кот Чёрный сидел и угрюмо вздыхал на пороге своего домика.

Во двор вошли Пёс и кот Белый.

— Эх вы, неудачники! — сокрушённо сказал им кот Чёрный и уничтожающе поглядел на кота Белого. — Особенно ты. Тренер называется!

— Да если б я его не тренировал… — с вызовом начал Белый и умолк.

С другой стороны во двор неожиданно въехал на своём модном автомобиле репортёр Петух. Позади него сидели мокрый дрожащий Бульдог и крупная собака Водолаз.

Петух, нажав на резиновую грушу, просигналил: «Ку-ка-ре-ку!»

— Вот он! — вскричал Бульдог, указывая на Пса.

Тот даже попятился. Петух и его пассажиры выскочили из машины.

Водолаз положил тяжёлую лапу на плечо Псу. И внезапно, широко улыбаясь, повесил ему на шею сверкающую золотую медаль на яркой ленте.

Петух суетился вокруг них и щёлкал затвором фотоаппарата.

— Догнал ведь меня, а? — Бульдог обеими лапами смущённо пожал лапу спасителю Псу, а затем уважительно потряс лапку оторопевшему коту Белому. — А вы меня в следующий раз будете тренировать?

— Эх ты, мокрая курица, — сказал чемпиону Петух.

А кот Чёрный так и застыл на пороге, прищурившись и разглядывая буквы на медали.

— За спа-се-ни-е у-то-па-ю-щих… — пробормотал он. — Медаль!

— Я же говорил, получим, — с достоинством произнёс Белый, — и прославимся.

Неказистый Пёс преобразился: грудь колесом, усы веером, уши топориком.

Новый щелчок фотоаппарата.

— В завтрашний номер газеты! — подмигнул Петух.

ИСТУКАН

Вообще-то про собак и кошек столько на свете историй, что все и не перескажешь. Пожалуйста, вот ещё одна.

Два рыжих кота-близнеца враждовали с огромным, мраморного окраса догом по кличке Боб. А котов звали — Барсик и Марсик. Но всё равно не отличишь. Только они сами друг друга и различали.

Загнал их как-то дог Боб на соседнюю стройку. Там уже никого не было, конец дня, рабочие разошлись.

«Ну, тут я котов всласть погоняю! — думает Боб. — Некому за них заступиться! Только и знают орать: „Не смей маленьких обижать!“ Маленькие-то они маленькие, зато когти у них, как у больших. И хитрые-прехитрые. От них всего можно ожидать!»

Он как в воду смотрел. Досталось ему от близнецов на той стройплощадке. То они

опрокинули на него со второго этажа бочонок с водой. То они, удирая, заставили его вляпаться в тягучую смолу. То он, опять из-за них, чуть не свалился с бетонной балки в известковую яму.

Как же их не гонять после этого! Такие коварные! Прямо сами напрашиваются на хорошую трёпку!

Но самое ужасное было ещё впереди. Преследуя котов, он вбухался, окунувшись с головой, в ржавую ванну с жидким цементом. Они-то перескочили через неё, а он не рассчитал. Нарочно ему такую западню подстроили. Когда он прыгнул, они вдруг дружно закричали:

— Ой-ёй-ёй! Что у тебя позади?

Он и обернулся на лету. А тут впереди — ванна с цементом! Провели, как щенка!

Приняв цементную ванну, Боб вконец рассвирепел. Казалось бы, прыти должно прибавиться. Так нет. Движения его становились всё медленнее, пока он совсем не затвердел от цемента, встав на дыбы наподобие статуи с загнутым вверх хвостом.

Наконец-то коты-близнецы, Марсик и Барсик, смогли передохнуть и вдоволь позлорадствовать над неподвижным изваянием.

— Так тебе и надо, истукан! — подмигивал ему Марсик. А может, Барсик.

— Стоять! — прикрикивал Барсик, а может, Марсик. И нахваливал: — Молодец. Получается!

— Вылитый конь! — восторгался один.

— Не вылитый, а облитый, — уточнял другой.

— На тигра он тоже вроде похож.

— Полос нету!

— Намалюем.

— Слышь, а усы у него не обломятся? Больно хрупкие.

— Обломятся, другие приставим. От старого веника!

— Можно и проволочные воткнуть!

— Хорошо бы ему чубчик нарисовать.

— Ага. А щёки толчёным кирпичом подрумянить. И глазки угольком подвести.

— Для красоты? Годится!

— Да нет! Чтоб не узнали. А то его каждая собака знает.

— Эх! Был мраморный дог, а стал цементный!

У дога Боба только глаза в цементных дырках сверкают, а сам — ни с места.

— Смотри, не кусается, — смело прошёл под вскинутыми лапами истукана один из котов-близнецов.

— Куда ему! — взобрался другой близнец на твёрдый хвост дога.

Боб по-прежнему — ни с места.

— Мы его на клумбе поставим, — глубокомысленно изрёк Марсик. А может, и Барсик.

— А лучше — на крыльце! — заспорил Барсик. А может, и Марсик.

Представил себе бедняга дог, как стоит он в будущем на крыльце, как его пачкают голуби, как его белят каждую весну, как ремонтируют отвалившийся хвост.

Напрягся дог изо всех сил! По толстой корке цемента зазмеились трещины, и, тяжело ступая каменными лапами, он двинулся на котов.

Быстрее, быстрее… Лови, держи, хватай!

Последние куски цемента отскочили от шкуры, когда он рывком протиснулся за котами в прореху забора и загнал их в каменный угол.

Расставил Боб лапы, раскрыл свою жаркую клыкастую пасть:

— Сейчас вы узнаете, как меня злить!

— Если б мы тебя не разозлили, стоял бы ты век на клумбе! — нашёлся Марсик. А может, Барсик.

— Или на крыльце! — подхватил Барсик. А может, Марсик.

Боб даже пасть защёлкнул. И недоуменно почесал затылок кончиком хвоста с налипшим на него куском цемента.

А что, действительно!..

Тут примчалась какая-то чужая собака и с яростным лаем бросилась на котов.

Дог Боб одной лапой отшвырнул её прочь.

— Своих гоняй, — прорычал он. — А наших не трожь!

КРЫЛАТЫЙ СМЕЛЬЧАК

Вот дела! Птицам в роще житья не стало от трёх ворон, задир-забияк.

Одна из них — Заводила, покрупнее двух других. Тугодум. Соображает не сразу. Но, если уж что-то решила, с пути не свернёшь!

Вторая ворона — этакая Подбивала, любила других науськивать, подбивать на разные пакости. А сама действовала исподтишка.

Третья, самая меньшая, — Нахалка. Чуть что, нагло в драку лезет. Особенно, когда старшие за спиной.

Роща, конечно, не лес. Не чащоба дремучая. Не тайга, словом. И не джунгли. Крупных храбрых птиц нет, чтоб за маленьких вступиться. Правда, рядом на озерце жили два журавля. Крупные-то они крупные, но не храбрые. Да и вообще их хата с краю.

Вот и приходилось терпеть птицам: каждая по-своему от ворон спасалась. А те вконец

обнаглели, распоясались. Мало им птиц, так даже и за мелких зверей принялись. То на зайца с дерева целое ведро холодной воды выльют — бегай мокрым, дрожи, грейся! То вдруг с ножницами за ежом, хохоча, гоняются — постричь хотят. Зарос, мол, иглами с головы до пят!

Такое вытворяют!..

Ну, насчёт ведра и ножниц — это, вероятно, и преувеличение. Но ведь и без ведра можно зайца как следует водой окатить, если после дождя потрясти над ним ветки. А что касается ножниц, то их можно где-нибудь на свалке найти: старые, конечно. А то можно и без всяких ножниц кружить над ежом, настырно повторяя: «Где это мои большие ножницы? Держи его!» Потом всем и заяц, и ёж о ведре и ножницах такого понарасскажут! Как тут не поверить!

Но это всё, так сказать, присказка. Наша сказка — не про ежа и зайца, а про двух приятелей, Чижа и Щегла. Имена у них такие: чижа звали Чиж, а щегла — Щегол.

В одно прекрасное летнее утро… Впрочем, утро — всегда прекрасное, особенно летом.

Представьте себе: зелёная приветливая роща. С краю — озерцо с кувшинками. Соловей встречает утро задорной трелью. Скворец запел, потягиваясь на жёрдочке у входа в скворечник. Пёстрый дятел, высунув голову из дупла, ритмично застучал по коре клювом. Пронеслось над озерцом курлыканье журавлей.

И Чиж со Щеглом включили в общий хор свои рулады.

Красота!

Но вот с одинокого сухого дерева вдруг раскатилось громогласное «Карр!» Это проснулись в своём большом мрачном гнезде три вороны.

Сразу спрятались и соловей, и скворец, и дятел, и Чиж со Щеглом. Даже журавли приумолкли, хотя у них хата с краю.

А вороны захохотали во всё горло на всю рощу:

— Карр-ха-ха-харр! Карр-ха-ха-харр!

Ворона Подбивала толкнула в бок ворону Заводилу.

Та, ухмыляясь, достала из-под сучьев здоровенную рогатку — давно на свалке нашла — и заложила в неё горсть крупных желудей.

Подбивала и Нахалка, отлетая от гнезда, стали натягивать резину с зарядом.

А Заводила, прищурив глаз и выбирая цель, тем временем направляла рогатку: то на дупло, где скрылся дятел, то на гнездо журавлей в камыше озерца, то на скворечник.

— Карртечью! — гаркнула она.

И две вороны с треском отпустили резину.

Жёлуди, грохоча, ударили по скворечнику. Домик затрясся! Жёрдочка отвалилась и упала наземь. А сам хозяин скворец, выскочив наружу, опрометью умчался вдаль.

Вороны вновь оголтело захохотали.

Высунул голову из дупла встревоженный сосед скворца — дятел. Новый залп: на этот раз мелкими лесными яблоками-дичками. Одно яблоко так и нанизалось прямо на острый нос дятла! Он даже клюв не мог раскрыть, чтоб возмутиться.

Уносясь подальше, дятел пытался на ходу сдёрнуть обеими лапками украшение с носа.

Вороны опять довольно загоготали.

Теперь Заводила целилась из рогатки то в гнездо Чижа, то в гнездо Щегла.

Они оба, не мешкая, раздвинули каждый дно своего гнезда и, нырнув, так сказать, в запасной выход, исчезли в чаще.

К вечеру в роще, казалось, всё поуспокоилось. А когда совсем стемнело, болтливые сороки натянули цветные нитки большим квадратом между четырьмя соснами над полянкой. На нитки уселись яркие светлячки. И возникла как бы воздушная танцплощадка с крошечными лампочками.

Вот и оркестр — засвистали соловьи, затрещал коростель, дятел-барабанщик застучал клювом по дереву.

Закружились над танцплощадкой нарядные синицы, снегири, корольки и ласточки в своих строгих фраках.

Чиж и Щегол тоже весело танцевали среди птиц. И всем тут было просторно: никто никому не мешал — взмывали вверх, проваливались вниз, беззаботно кувыркались.

А невдалеке, над гладью озерца, изящно танцевали журавли.

Неожиданно веселье нарушилось — появились три вороны! Они заглушали музыку хриплыми возгласами. Оглушительно хлопали крыльями.

Отплясывали дикий вороний танец. Отшвыривали других птиц в стороны. Бесновались вовсю!

Затем они устремились к журавлям. И стали бешено мотаться вокруг них, хрипло голося разухабистую песню. Журавли не выдержали и с достоинством улетели.

Вновь вернулись на танцплощадку вороны. Захватили в свой дурацкий хоровод какую-то синицу. Бросали её друг другу и вопили:

— Лучше синица в лапах, чем журавль в небе! Карр-ха-ха-харр!

Возмущённый Чиж попытался вступиться за неё.

— Как вам не стыдно! — пропищал он.

— Дай ему дрозда! — заверещала Подбивала.

Заводила тут же схватила с ветки замершего в испуге дрозда и замахнулась им на смельчака Чижа.

Но дрозд сумел вывернуться. С писком выскользнул он из цепких лап вороны.

Тогда Заводила с криком: «Бей карр-о-тышку! Карр-амба!» — дала Чижу такой подзатыльник, что тот, кувыркаясь, упал в траву.

Все птицы разлетелись, даже светлячки исчезли. Лишь вороны, мелькая своими чёрными силуэтами на фоне луны, продолжали вертеться с душераздирающим криком.

— Смелый-то ты смелый, — помог встать Чижу друг Щегол. — Да куда тебе с ними тягаться!

Добрыми почему-то чаще всего бывают слабые и неумелые.

На следующий день летели по своим птичьим делам Чиж и Щегол и увидели, как маленький королёк, с трудом трепеща крылышками, тащит пучок сухой травы для своего гнезда.

— Давай поможем! — бодро предложили ему на лету Чиж и Щегол.

Но, увы, они так неловко попытались подхватить траву, что её развеяло по ветру.

— Такие неуклюжие! — вздохнул королёк.

Затем они хотели помочь скворцу поднять сбитую вчера жёрдочку. И не смогли. Тяжело.

— Слабаки! — буркнул скворец.

По пути домой друзья неожиданно столкнулись в воздухе с вороной Заводилой, нарочно не уступившей дороги, хотя левый поворот давал им преимущественное право на свободный полёт. Да так стукнулись, что оба свалились на голову дятлу!

— Ах! Ах! — вскрикнули они.

— А-ах!.. — передразнил их дятел. — Летуны аховые! Лучше бы спортом занялись!

— А что? Может, дятел и прав, — задумчиво рассуждал Чиж, уныло сидя в своём гнезде. — Спорт — это…

— Это не то! — перебил его Щегол из гнезда напротив. — Не нам с тобой ворон в небе ловить. Орлом всё равно не станешь!

— Орлом не орлом, а всё-таки не чижиком!

— Лучше я себе всяких укрытий понаделаю, — откликнулся Щегол. — Тогда меня никто не тронет. Найти не сможет, понял?

И принялись они каждый за своё. Чиж на ветке, как на турнике, подтягивается: по-своему, конечно, по-птичьи. А Щегол своё второе, потайное, гнездо в кустах вьёт.

Чиж фигурами высшего пилотажа в небе занимается: «мёртвая петля», «бочка», «затяжное падение», «виражи»… А Щегол новые укрытия сооружает.

Не сразу всё у Чижа выходило. Поначалу он больше двух раз на ветке подтянуться не мог. И однажды с налёту, выходя из «мёртвой петли», в стог врезался.

А как-то он спикировал прямо в озерцо — еле выбрался!.. Там его внимание вдруг привлекла длинная железная труба, которая пересекала дно озерца: в неё впадал тонюсенький ручеёк, а с другого конца на том берегу из неё струился крохотный водопадик.

Чиж с интересом заглянул в трубу, что-то изучая и примериваясь. И даже не спеша прошёл её насквозь — совершенно благополучно, разве что лапки замочил.

День за днём упорно тренировался Чиж. А Щегол до того дошёл, что нору себе стал копать!

Наступила осень.

Ходили как-то по поляне Чиж и Щегол, семена клевали. Внезапно накрыли их три чёрные тени:

— Карр! Карр-а-пузы! Карр! Карр-о-тышки!

— Спасайся! — вскричал Щегол, бросаясь к своему ближайшему укрытию.

Над его головой так и засвистели жёлуди, выпущенные из рогатки.

Взмыл Чиж стремглав в небо и выбил рогатку из лап Заводилы.

Ринулись вороны за смельчаком в погоню.

А Щегол бочком выскочил из своего укрытия, мигом засыпал рогатку пожухлыми листьями и вновь спрятался.

Преследуют Чижа вороны, издеваются:

— Карравай, карравай, кого хочешь выбирай!

Делая «мёртвую петлю», Чиж перевернулся на спину и изо всех сил лягнул в живот Подбивалу, а затем на вираже — и Нахалку.

— Карраул! — трепыхаясь, завопили они. — Беррегись!

— Рразини! — И Заводила растопырила когти, пытаясь схватить увёртливого Чижа. — Окрружай!

Чиж лихо пронёсся между её лапами. Заводила с налёту саданулась лбом о дерево. Да так, что филин из дупла выпал!

Опомнившись, вороны продолжали преследование.

— Кррепкий черреп! — изумлённо похвалила себя Заводила, потирая на лету шишку.

Куда там было жалким воронам до виртуоза Чижа! Совершая фигуры высшего пилотажа, он заставлял их то и дело сталкиваться друг с другом. Только перья летели!

Виток за витком живая спираль — беглец и погоня — уходили высоко в небо.

«Затяжное падение»! Чиж камнем упал вниз — и вдруг уселся на шею Заводиле. Прямо-таки оседлал!

— Бррысь с меня! — истерично мотала она головой, крутилась и брыкалась.

Крепко держался Чиж на её шее. И всё же она так взбрыкнула, что наездника подбросило вверх. Очертил он в небе круг. Опять настигает погоня, у ворон-то крылья куда больше!

Что делать?

Тогда-то ему и пригодилась та длинная железная труба, что проходила под озерцом. Чиж спикировал прямо в неё. Вороны наперегонки ринулись вслед за ним. Пролетел Чиж всю трубу насквозь! А преследователи застряли всем скопом где-то в ней, на дне озера.

— Вперрёд! — несётся из трубы, как из рупора. — Назад!

Ни вперёд, ни назад. Крепко засели.

Тут и Щегол, выскочив из укрытия, прилетел. И громко, у выхода из трубы, Чижу советует:

— Глиной вход и выход замазать! И концы в воду!

Настороженно прислушивались внутри трубы вороны. Шевельнуться не могут. Запечатало!

— Замурруют… — простонала Заводила.

— Не нравится? — крикнул в трубу Щегол.

— Помогите! — взмолилась Заводила. — Больше не будем!

— И меньше — тоже! — голосили другие.

— Жалко их, конечно, — вздохнул добряк Чиж.

— Веррно говорришь, — всхлипнув, поддакнула внутри трубы Заводила. — Прропадём!

— Прростите! — причитали Подбивала и Нахалка.

Поднялся высоко Чиж, разогнался… И с такой скоростью влетел в трубу, что пленниц ворон, будто затычку, выбросило наружу. А затем и сам небрежной походкой вышел.

Лежат вороны на спине, лапами кверху, еле дышат.

— Что это с ними? — с опаской спросил Щегол.

— Ничего, — отмахнулся Чиж и лукаво улыбнулся. — Тренироваться надо — вот чего!

Весело смотрели с деревьев птицы — жители рощи, как, переваливаясь с боку на бок, тяжело улетали прочь вороны. Улетали навсегда, стыдливо вжимая голову в плечи. Превратились в точки и пропали на горизонте.

— Пррощайте! — насмешливо «прокаркал» из оконца своего домика скворец.

Чиж спустился вниз, ловко взял под деревом жёрдочку от скворечника и легко поднял её вверх к изумлённому хозяину.

А вечером на воздушной лесной танцплощадке, между четырьмя соснами, снова весело танцевали птицы. Журавли на озерке тоже не отставали, выкидывая изящные коленца. Пение, смех, музыка голосов!..

— А ты чего? — звал Чиж своего друга Щегла повеселиться.

— Некогда, — пыхтел Щегол.

Он сосредоточенно, как когда-то Чиж, подтягивался на ветке, словно на турнике. По-своему, конечно. По-птичьи.

КРЫЛЬЯ, НОГИ И ХВОСТЫ

В пустыне, где часто встречаются страусы и лишь изредка грифы, встретились однажды Страус и Гриф.

Гриф стремительно прилетел откуда-то с дальних гор. Страус тут же голову в песок сунул по трусливой привычке.

Посмотрел на него неодобрительно Гриф и мигом сцапал своим хищным клювом какую-то любопытную Ящерицу. Она вертелась поблизости, и ей было любопытно, что может выйти из встречи столь больших птиц.

Конечно, она могла серьёзно пострадать, и поделом, за то, что суёт свой нос куда не надо. Но, впрочем, как вообще свойственно ящерицам, она отбросила свой хвост и спаслась бегством. Так что Грифу только лишь хвост и достался. Он его проглотил и даже не заметил: лёгкая закуска!

Однако его интересовала вовсе не Ящерица. Она просто подвернулась под ногу и попала под клюв. Дело в другом. Гриф давненько хотел узнать, почему эта странная птица Страус всё время бегает, а не летает.

Он дружелюбно похлопал Страуса крылом по спине, и тот наконец вынул из песка и поднял свою маленькую голову.

— Давай полетим вон туда, — показал Гриф в далёкую даль. — Там столько всего вкусненького!

— Столько? — сразу оживился Страус, вовсю раздвинув свои куцые крылья.

— Вот столько, — слегка сузил его размах во всём обстоятельный Гриф.

— Я летать не умею, — смутившись, признался Страус. — Совсем.

— Быть того не может! — поразился Гриф.

— Может, может.

— Разбежись, тогда и взлетишь, — посоветовал Гриф.

— Куда — разбежись? — повертел головой Страус.

— Туда, — вновь показал Гриф в ту сторону, где их ожидало столько всего вкусненького. — Всё ближе будет.

Пробежал Страус несколько шагов, взмахнул крыльями, но не взлетел. Не вышло.

— Птичка! — Гриф насмешливо выдернул у него перо из хвоста — чпок! — и себе в хвост вставил. — Ты посильней разгонись! Опаздываем, всё вкусненькое съедят!

Помчался Страус.

А Гриф над ним кружит и сверху зычно командует:

— Давай, давай! Работай, Страус, работай ногами! Ещё быстрей! Главное, крылья! Маши крыльями! Делай, как я!..

Но как ни давал, как ни работал ногами, как ни махал крыльями Страус, ничего не получалось — никак не взлетал. Но зато стремглав уносился всё дальше и дальше в указанном направлении, вздымая мелкую песчаную пыль.

Летящий следом Гриф остался где-то далеко позади.

Страус остановился у какого-то ржавого автомобиля, давно брошенного в пустыне, и огляделся по сторонам.

Нигде не было видно учителя Грифа.

Наконец Гриф прилетел и, задыхаясь, плюхнулся наземь.

— Так и не взлетел? — тяжело дыша, спросил он.

— Нет…

— Птичка! — Гриф снова резко выдернул у Страуса другое перо и опять украсил им собственный хвост.

Затем проковылял к машине, развалился на дырявом сиденье и вновь принялся командовать, приговаривая:

—. Летай! Не умеешь — научим! Не хочешь — заставим!

Напрасно пытался Страус взлететь, без толку бегал и подпрыгивал. Каждый раз, в наказание, Гриф выдёргивал у него перья, украшая ими себя, пока не оставил Страуса совсем бесхвостым.

— Старайся, старайся! О крыльях не забывай! — покрикивал Гриф и, поглядывая на далёкий горизонт, где, по его сведениям, скрывалось много чего вкусненького, азартно рассуждал:

— Лучше день потерять, потом за пять минут долететь!

В конце концов не выдержал Страус.

— Крылья, крылья… — возмутился он и гордо воскликнул: — Ноги!

Он гневно согнул ногу в колене, показав Грифу мощный бугор мускулов.

Струхнувший Гриф так и свалился с сиденья и, словно какой-то задрипанный страус, сунул в песок голову.

— Птичка! — хмыкнул Страус. Одним махом выдрал у него все хвостовые перья, свои и чужие, и гордо вставил их себе, став ещё пышнее прежнего.

Затем погрузил ногу в песок и насмешливо пощекотал там, под песком, трусливую голову Грифа.

— А! — Гриф поспешно выдернул голову. — Чего?

— Зачем мне летать, как ты, если я бегаю, как я?!

И побежал стремительными размашистыми шагами к горизонту, где, как говорят, столько всего вкусненького.

— Ноги, ноги… — проводила его взглядом невесть как оказавшаяся тут юркая бесхвостая Ящерица и торжествующе провозгласила:

— Главное — хвост!

Повернулась и будто выстрелила в ошеломлённого Грифа своим мгновенно отросшим новым хвостом.

И с достоинством двинулась вслед за Страусом, что-то ворча себе под нос о вкусненьком.

А бесхвостый Гриф так и остался недоуменно сидеть на песке.

И впрямь не поймёшь, что важнее: ноги, крылья, хвосты?..

ПОГОНЯ

Однажды молодой Лев, свесив хвост, дремал на толстенной ветви дерева. Это было в зелёном оазисе, вокруг которого расстилалась пустыня.

А хвост у Льва, как назло, свисал над тропинкой. Вот и задел его случайно проходивший мимо Страус.

Обиделся Лев и бросился за ним в погоню. Страус даже извиниться не успел. И теперь давай только уноси ноги!..

Мчится, уже по пустыне, Страус. Лев не отстаёт. Ветер раздувает его гриву, и она, струясь, летит за его большой головой.

Всё ближе и ближе Лев. Вот-вот нагонит «обидчика»!

Страус уже чувствовал, как топорщатся перья у него позади от мощного дыхания настигающего Льва. А может, ему так казалось.

Что делать?

Беглец остановился и воткнул в песок голову. Лев с ходу затормозил и проехал мимо, вздымая песчаные волны.

Страус стоял неподвижно. Умный он, Страус: раз ничего не видно, значит, не так страшно.

Но Лев этого не знал и потому удивился. Он обошёл вокруг Страуса и мягко дотронулся до него лапой.

Страус выдернул голову из песка.

— Чего ты там не видел? — спросил Лев.

— У-у-у! — протянул задрожавший Страус, глядя на страшного Льва. И опять глубоко воткнул в песок голову.

Интересно! Лев тут же принялся копать рядом.

Страсть как любопытно, что же там, под песком, видит эта большая птица?!..

Он снова взглянул на застывшего Страуса, внезапно отшвырнул его прочь и начал копать на его месте.

Обрадованный Страус убежал, растаял вдали.

Лев так усердно копал, что вскоре лишь хвост торчал из песка. А потом и хвоста не стало видно.

Вылез наконец Лев из глубокой ямы, встряхнулся, недоуменно пожал плечами и даже развёл лапами.

— Ничего там нет… Ох! — устало вздохнул он. — До чего же глупы эти страусы!

И важно зашагал обратно в оазис.

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО

Мудрость говорит, что от великого до смешного — один шаг. Точно не знаем. Возможно, и два шага, а то и три. Раз на раз не приходится.

Такая вот невероятная история… Невозмутимо шествовал по пескам высокомерный Верблюд-великан. Так сказать, корабль пустыни.

А на его пути вдруг оказался коротышка Муравей.

Верблюд, не глядя, наступил на него своей ножищей и пошёл дальше. Хорошо, что не раздавил. Повезло Муравью. А впрочем, такую мелюзгу мудрено раздавить. Особенно на песке.

Выскочил Муравей из-под песка, сердито отряхнулся и погрозил Верблюду вслед кулачком. Мало того, догнал, обогнал и вновь погрозил Верблюду.

Но высокомерный корабль пустыни, опять не заметив, вновь наступил на него, продолжая свой путь.

Снова выбрался из-под песка Муравей и призадумался: как ему отомстить? Да что там — отомстить. Как сделать так, чтобы заносчивый Верблюд хотя бы на него внимание обратил? Тем более, что он здесь часто ходит и их пути нет-нет да и пересекаются. Неужели трудно себе под ноги посмотреть и пропустить путника, пусть и маленького!

Муравей был по-своему прав. Невелика заслуга таким большим, как Верблюд, вымахать. Таким уж уродился. И под ноги надо иной раз смотреть, а не только горизонты обозревать.

И вот однажды Муравей взобрался на длинный бамбуковый хлыст и стал поджидать Верблюда. А сам зачем-то раскачивал тонкую и гибкую верхушку бамбука, что-то примеряя и рассчитывая.

Наконец на тропе появился Верблюд. Вот он подошёл поближе и… Получив хлёсткий удар по горбу, он взвился чуть ли не на дыбы и, скосив гневный взгляд на обидчика, вдруг… увидел за барханом притаившегося в засаде Льва. А Муравей о нём и не знал, потому что в другую сторону смотрел.

Верблюд вихрем унёсся прочь!

Прошёл день…

Опять случайно оказался Муравей на пути Верблюда. Мощные ноги великана, одна за другой, осторожно перешагнули через него.

Обернулся затем Верблюд и, подмигнув, дружелюбно кивнул ему, незаметному коротышке Муравью.

Так до сих пор Муравей и не знает, почему Верблюд с ним теперь здоровается.

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Двое мальчишек, широкоплечий Коля и щуплый Витя, сидели на скамейке около школы и смотрели отметки за первую четверть в своих дневниках.

Затем каждый невольно заглянул в чужой дневник: у Коли по всем предметам были двойки и редкие тройки, зато уж по физкультуре — пять с плюсом. А у Вити — сплошные пятёрки, а вот по физкультуре — двойка.

— Эх, ты! — одновременно сказали они друг другу.

— Слабак, — усмехнулся почти что отличник Витя.

— Это я-то?.. — Коля поднял Витю за шиворот, как котёнка, и поднёс ему к носу кулак. — Видал?

— Ну и что? Знание — сила! — подчеркнул Витя.

— А! — отмахнулся Коля, опустив его на скамейку. — Вот, почитай, — он торопливо достал из портфеля книгу «Подвиги Геракла». — Геракл такие подвиги совершал! А ведь с детства не любил учиться, только физкультуру и спорт признавал!

— Не может быть! — удивился Витя.

Оба склонились над рисунком в книге. На нём был изображён юный Геракл, который снисходительно слушал нравоучения своего разгневанного учителя Дина.

— «Часто приходилось учителю Лину, двоюродному брату Орфея, сердиться на своего ученика Геракла…» — громко прочитал Коля.

Геракл на рисунке вдруг превратился в Колю, который в древнегреческом хитоне и сандалиях сидел, зевая, за мраморным столиком в классе — зале с колоннами.

— «Однажды во время урока Лин, раздражённый нежеланием Геракла учиться…» — голос Коли постепенно затих, словно оставшись в нашем времени.

Конечно же, так только в сказках бывает. На то они и сказки. Однако признайтесь, кто из нас не представлял себя на месте того или иного героя интересной книги! Так что и мы сами не раз невольно попадали и в чудесную сказку, и в средневековую историю, и в древнегреческий миф, как это и случилось сначала с Колей, а затем с Витей.

— Ты опять не выучил уроки! — вскричал древнегреческий учитель Лин и дал Гераклу-Коле гулкий подзатыльник.

В ярости вскочил Геракл-Коля, схватил учителя за ноги и, раскрутив его, как спортивный молот, метнул в окно.

Учитель, со свистом вылетев наружу, сбил с постамента напротив окна статую Аполлона, которая вместе с другими статуями богов поддерживала портик внушительного храма. Мгновенно заняв место Аполлона, учитель обеими руками невольно упёрся в тяжелый карниз над головой.

— Ты — лентяй, ты не хочешь учиться! — крикнул он. — Бери пример с него! — И, указав рукой на кого-то за спиной нерадивого ученика, вновь поддержал покачнувшийся портик.

Геракл-Коля обернулся. Позади него сидел за другой «партой» Витя, тоже в хитоне и сандалиях.

— Неуч и хулиган ты, а не Геракл, — приподнял он голову над древнегреческой рукописной книгой.

— А ты как сюда попал?

— Так же, как и ты. Я тоже Геракл!

— Кто? — расхохотался Геракл-Коля. — Уматывай из древней истории! Какой из тебя Геракл!

— Если бы у него была моя голова — ну, мои знания, — он бы ещё больше подвигов совершил, — спокойно ответил Геракл-Витя, придвигая к себе стопу пергаментных книг и папирусных свитков.

— Ага, как же! Да ты хоть один его подвиг соверши!

В зал вбежал гонец и упал на колени.

— О, горе! В окрестностях Немей появился чудовищный лев! Он опустошает всю округу! Спасите!

— Конечно, спасём, — солидно кивнул Геракл-Витя.

— Вот тебе и карты в руки, — ехидно заметил ему Геракл-Коля. — Ты теперь будешь действовать по-своему, ну а я — по-своему.

Геракл-Коля сбежал по широким ступеням к большим каменным трибунам стадиона, полукругом охватывающим арену. На ней, рядом с мраморным плавательным бассейном, стояли современные спортивные снаряды.

— К тренировке — приступай! — Сам себе громко скомандовал он.

Подбежал к гимнастическим брусьям, сделал на них ряд сложных упражнений, ловко соскочил и, схватив воткнутый в песок шест, прыгнул с ним через высокую планку прямо в бассейн. Быстрым кролем прошёл водную дорожку — на финише его уже ожидал конь, свесивший хвост в воду.

Схватившись за хвост, Геракл-Коля вспрыгнул на спину коня. Молниеносный круг по арене — конь внизу разорвал грудью широкую ленту, а всадник вверху — узкую ленточку!

Бодро вбежав опять в зал, Геракл-Коля схватил в углу лук, колчан со стрелами и палицу.

— К подвигу готов! — воскликнул он.

— Геракл к подвигу готов! — вскричал гонец и радостно умчался сквозь арку прочь.

С необыкновенной скоростью он затерялся где-то вдали, и только откликалось, затихая, эхо: «…гу-у… тов-ов!..»

Геракл-Коля важно направился к выходу.

— Погоди, — голова Геракла-Вити была уже еле видна между высокими стопами книг и свитков.

— На что ты тратишь драгоценное время?! — усмехнулся Геракл-Коля.

— Куда ты идёшь? — спросил Геракл-Витя.

— Ясное дело — куда. В эту… Немею.

— А где она — знаешь?

Геракл-Коля растерянно почесал палицей затылок. И умоляюще взглянул на своего учителя,

поддерживающего портик здания за окном.

— Не скажу! — отвернулся учитель.

Геракл-Коля быстро вылез в окно и навёл порядок:

«заменил» учителя на постаменте прежним мраморным Аполлоном.

— Ну?

— Спроси отличника, — и обиженный учитель поспешно ушёл.

Геракл-Коля вновь вернулся в зал.

— Где эта Немея — знаешь? — хмуро спросил он.

— А вот теперь и тебе карты в руки! — Геракл-Витя дал ему свёрток географических карт.

Геракл-Коля торопливо их развернул. На первой же «Новейшей карте Древней Греции» выделялся кружок с надписью: «Немея».

— Вот она! — обрадованно ткнул он пальцем в карту. И опять зашагал к выходу.

— Ты куда: на северо-запад или на юго-восток?

— Я… — замялся торопыга, — я пойду на… северо-юг! — выпалил он.

— Ха-ха! Такого не бывает. Надо идти строго на северо-запад!

В зале было четыре арочных выхода на все стороны света, над каждым — по указателю: «север», «восток», «юг», «запад». Геракл-Коля мрачно переводил взгляд с арки на арку.

— Ну не дают подвиг совершить! — в сердцах вскричал он. Разбил палицей угол зала и вышел наружу — между дверьми, ведущими на север и запад.

Геракл-Витя, рассмеявшись, завязал какой-то загадочный пузатый мешок и с трудом взвалил его на большущую тачку с деревянными колесами, которая стояла возле классной доски как недавнее, современное изобретение.

Когда, толкая перед собой тачку, он вышел через пролом в стене, перед ним открылась «просека», которую Геракл-Коля проложил сквозь античные руины, строго следуя по избранному курсу.

Геракл-Витя покатил тачку вслед за первым Гераклом.

В конце концов он нагнал его у предгорий. А может, и сам Геракл-Коля замедлил шаг, поджидая своего более образованного напарника, потому что боялся сбиться с пути.

Дорога пошла в гору. Геракл-Витя вконец выдохся, толкая свою тачку. Спутник-силач снисходительно пришёл ему на помощь, сам взявшись за рукоятки тачки.

— После подвига перекусим, а? — И кивнул на мешок.

Он легко катил тачку вверх по тропе, а Геракл-Витя, достав из мешка книгу «Определитель трав немейских окрестностей», срывал загадочные травинки, сверяясь с рисунками в книге. Затем он положил её обратно и достал справочник «Повадки немейских львов».

Геракл-Витя разочарованно вздохнул, он понял, что в мешке, кроме книг, ничего нет. Но тачку

не бросил, а то ещё этот отличник подумает, что ему помогали с умыслом. Хотя так оно и было. Вот только никакой еды не было!

Оба Геракла остановились на небольшой площадке между скалами.

— Ну где же этот лев? — нетерпеливо оглядывался Геракл-Коля.

— Немейские львы обычно обитают в пещерах, — сообщил Геракл-Витя, поводя рукой вокруг и невольно отодвигая гибкие виноградные лозы, свисающие со скалы.

Оказалось, эта завеса скрывала вход в пещеру.

— Вот она! — шёпотом воскликнул он.

Пещера была пуста. Повсюду валялись кости, копыта и черепа с рогами. В каменной нише булькал родник. На стене пещеры был выцарапан, очевидно, когтями, силуэт здоровенного гривастого льва, а под ним — накорябано: «Это я».

Геракл-Коля опробовал тетиву лука.

— Я его враз уложу! — хвастливо заявил он.

— Нельзя, — забеспокоился Геракл-Витя. — Он даже в Красной книге не записан как давно вымерший вид. Очевидно, самого последнего убил неуч Геракл!

— Я ещё не убивал! — возмутился Геракл-Коля.

А второй Геракл тем временем уже сыпал в родник собранную по пути сонную траву, заглядывая в справочник и читая вслух:

— «Как установлено, после возвращения с прогулки немейские львы обязательно утоляют жажду и ложатся спать ровно в два часа дня». Так, по местному почти два, — взглянул он на свои наручные часы.

И тут, раздвинув растительную завесу, в пещеру, грозно рыча, вошёл Немейский Лев!

В испуге оба Геракла попятились в глубь пещеры. Геракл-Коля выпускал в страшного зверя стрелы, одну за другой, но они со звоном отскакивали от его неимоверно толстой шкуры.

— Держись! — вскричал Геракл-Витя. — До сна ему осталось, — он снова взглянул на часы, — семь секунд. Шесть, пять, четыре… — начал он отсчёт.

Раскрыв пасть, Лев надвигался на непрошеных гостей.

— …Две, одна, ноль! — выкрикнул Геракл-Витя. — Немейское время — два часа!

— Правда? — удивлённо спросил Лев, шумно выпил воду из родника, завалился на бок у входа и захрапел.

— Ну что? Режим дня соблюдает — в два попьёт, и спать! — воскликнул Геракл-Витя.

— Гляди-ка, расписание выдерживает!

— Я ему ещё и сонную траву подмешал в источник. Теперь из пушки не разбудишь!

— Как же тут подвиг-то совершить, если он такой точный? — растерянно разглядывал спящего Льва Геракл-Коля. — Лежачих не бьют!

— Зачем бить? Надо бы-доставить его в ближайший зоопарк.

— А разве это будет считаться подвигом?

— Конечно! — пыхтел Геракл-Витя, пытаясь поднять голову спящего Льва.

— Отойди, — Геракл-Коля, поднатужившись, приподнял Льва. Ещё, ещё!.. Взвалил, наконец, себе на плечи и, пошатнувшись, растянулся плашмя.

Спящий Лев всей тяжестью придавил героя сверху.

— Помоги! — простонал Геракл-Коля, не в силах выползти из-под Льва.

Второй Геракл вовсю пытался ему помочь, но безуспешно. Тогда он достал из мешка книгу «Афинские подъёмные механизмы» и, сверяясь с чертежами, быстро соорудил древнюю систему подвесных блоков из костей, копыт, рогов и прочных виноградных лоз.

Пользуясь этим механизмом, он легко поднял тяжеленного Льва под потолок пещеры, освободив своего спутника.

Пока один Геракл ощупывал свои бока, другой подвёл тачку и опустил в неё сладко посапывающего зверя.

— Эх, что б ты без меня делал! — гордо заявил Геракл-Витя и… не смог даже сдвинуть с места тачку со Львом.

— А ты — без меня? — Геракл-Коля небрежно вытолкнул тачку из пещеры.

Они двинулись по тропе дальше: силач Геракл катил впереди тачку со Львом, а второй Геракл брёл позади, согнувшись под мешком, набитым книгами.

— Ну где он, твой ближайший зоопарк? — нетерпеливо спросил силач, когда они остановились у развилки двух дорог.

Скинув мешок, другой Геракл достал книгу «Зоопарки Древней Греции» и карту.

— Там! — Он уверенно показал направление. — В городе Немее.

Геракл-Коля повернул тачку на нужную тропу. Вскоре с крутого склона перед ними открылся вид на древнегреческий город Немею: множество домов, храмов и колоннад.

Первым стал спускаться как проводник Геракл-Витя со своим мешком.

Следом за ним начал спуск Геракл-Коля, удерживая тачку за рукоятки.

Но что это? Колесо подпрыгнуло на ухабе, и тачка рванулась вперёд. Силач Геракл, так и не выпустивший рукояток из рук, взлетел в воздух и упал на беспробудно спящего Льва.

Затем неуправляемая тачка настигла Геракла-Витю, ударив его сзади под колени, и он тоже рухнул на зверя.

Тяжело нагруженная тачка стремительно понеслась с горы и вскоре влетела на улицу города.

Разбегались прохожие — крики, шум, гам!.. Тачка продолжала бешено мчаться. И надо же, прямо впереди неё, в ту же сторону, торжественно ехала знатная древнегреческая семья на колеснице, запряжённой квадригой — четвернёй лошадей.

Тачка и колесница столкнулись!

Невероятно — теперь семья древних греков продолжала свой путь на тачке, а наши герои, вместе со Львом и мешком с книгами, уносились дальше на колеснице.

На их пути открылась площадь со статуей Афины Паллады, которая держала в широко раскинутых руках два бронзовых венка.

Пара из четверни неуправляемых лошадей, влекущих колесницу, неожиданно резко взяла перед самой статуей вправо, другая пара лошадей — влево.

Новое столкновение! Треск и грохот — статуя развалилась!..

Герои со Львом лихо покатили вперёд, уже без лошадей, на треснувшей колеснице, а на голове у каждого оказался бронзовый венок.

К счастью, на их пути появились распахнутые ворота Немейского зоопарка. Но тут Лев внезапно заворочался.

— Он просыпается! — завопил Геракл-Коля.

Геракл-Витя с треском — тр-р! — перелистнул на ходу страницы книги «Повадки немейских львов»:

— После дневного сна и сонной травы львы пробуждаются… До подъема Льва — пять секунд! Четыре, три, две, одна…

— Ноль! — вскочил Лев, когда они влетели в ворота зоопарка.

Подпрыгнув, Гераклы схватились за ветви дерева, раскинувшего свою крону возле пустой открытой клетки.

Колесница ударилась колёсами о порог, книги рассыпались, а Лев так и влетел в своё будущее жилище! От сотрясения упала, закрыв вход, решётка клетки!

Не удержавшись за ветку, Геракл-Витя шлёпнулся наземь. Ловко спрыгнул рядом Геракл-Коля.

Немейский Лев грозно рычал на них, держась лапами за прутья решётки.

Сбежавшиеся древние греки стали восторженно подбрасывать героев. Они кувыркались в солнечном средиземноморском небе. Бронзовые венки взлетали отдельно, вновь и вновь опускаясь на головы Гераклов.

— А ведь это я подвиг совершил! — одновременно кричали герои при каждом новом взлёте.

Немейский Лев проворчал в клетке:

— Хе-хе… Рано торжествуют. Геракл-то ведь ещё одиннадцать подвигов совершил!

Со всех сторон спешили к Гераклам запыхавшиеся гонцы.

— Спасите от Критского Быка!

— …От Эриманфского Вепря!

— …От Лернейской Гидры!

Гомонили посланцы, заглушая один другого.

— Конечно, поможем, — кивнули герои.

— Но только в порядке очерёдности древнегреческих мифов, — предупредил Геракл-Витя.

Гонцы поспешно выстраивались в очередь, отталкивая соперников. А оба Геракла бережно собирали древнегреческие книги.

…Витя и Коля очнулись на скамейке около школы, глядя на новый заголовок «Подвиг второй» в книге о Геракле. Они и не заметили, как увлеклись и прочитали всё про Немейского Льва.

Только ли прочитали?! А может быть…

Они многозначительно переглянулись.

Итак, дорогой читатель, мы ограничимся пока одним только подвигом Геракла, памятуя о мудром предостережении Немейского Льва. Но, если вы сами вдруг попадёте в историю, постарайтесь тоже не ударить лицом в грязь.

ОБИДЧИВАЯ АНАКОНДА

Один школьник прогуливал урок по природоведению. То ли скуки ради, то ли спасаясь от дождя, он случайно зашёл — судьба! — в Зоологический музей.

А в нём столько всяких чучел: звери, птицы, рыбы, пресмыкающиеся!

Нет бы поучиться чему-нибудь полезному, знаний бы набраться, раз уж так повезло: вместо скучного урока — почти что живые экспонаты. А они у него только смех и даже недоверие вызывают: мало ли что на табличках под чучелами понапишут!

Вот хотя бы анаконда. Водится, видите ли, в «бассейне реки Амазонки». Не знают, что пишут. Откуда там, на той Амазонке, бассейн? А если и есть, почему нет его названия? К примеру, бассейн «Чайка» — это понятно!.. Упустили название. Ладно, так и быть.

А тут что? Вдобавок ещё и сообщается, что анаконда может проглотить дикую свинью. Ха-ха! Конечно, эта анаконда — здоровенная, метров пять длиной. Но дикую свинью заглотить? Нет, не пролезет она.

— Куда тебе! — так и сказал мальчишка анаконде и гулко щёлкнул её по затылку. — Враки! Поняло ты, чучело?!

И… анаконда вдруг взяла и проглотила его!

Проходил мимо старый смотритель зала и замер, уставившись на чучело анаконды. На брюхе у неё — странное утолщение в виде нашего нахального мальчишки, лежащего на боку: нос выпирает, коленки, башмаки…

Смотритель стремглав выбежал. Наверно, звонить в милицию. Или в «скорую помощь». А возможно, и туда, и туда.

Что же дальше было?

А дальше — мальчишка, прямо внутри анаконды, плаксиво попросил прощения. Взахлёб!

Ну, анаконда и выпустила его. Не лежать же век с каким-то вздорным мальчишкой в желудке. Он только фигуру такой южноамериканской красавице портит. Признаться, он даже не дикая свинья!

Мальчишка первым делом ощупал себя, сам себе не верит.

«А-а… Понятно, — догадался он. — Вероятно, всё это мне привиделось, причудилось. Надо же!..»

И пошёл, посвистывая, к двери.

А позади — шипящий голос:

— Не-уч-ч-ч!

Оглянулся мальчишка. Позади — лишь чучело анаконды. Правда, с широко разинутой пастью.

Смотритель назад прибежал. Глянул на чучело гигантской змеи, затем — на мальчишку и раскричался:

— Ты свои хулиганские штучки брось! Ты не дома! Зачем внутрь экспоната залезал?!

Тут и милиция приехала. В «скорую» смотритель не дозвонился.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Скорый поезд медленно ехал мимо сосновой рощи.

В купе расположились двое: молодой толстяк Бегемот и бородатый Козёл.

— Ну, а что ты теперь видишь за окном? — допытывался Козёл.

— Пальмы, — отвечал Бегемот, моргая маленькими добрыми глазками.

— А с ветки на ветку кто прыгает?

— Обезьяны.

— Да не пальмы и обезьяны там, а сосны и белки! — вскричал Козёл. — Раскрой глаза! Ну, что с тобой делать, а? — сокрушался он.

Строгий Козёл работал доктором в областном зоопарке и вёз Бегемота на консультацию к медицинскому светилу — Горному Козлу, крупному специалисту столичного зоопарка. У Бегемота вдруг обнаружилось редкое заболевание: порой он видел то, чего нет.

— Не можешь ты всего этого видеть, — укорял доктор Козёл смущённого Бегемота. — Ведь ты здесь, у нас, родился и свою Африку никогда не видел!

— А вот и вижу, — твердил Бегемот.

— Это тебе чудится.

— Почему?

— Не знаю, — жалобно проблеял Козёл. — Случаются и не такие видения. Разберёмся в твоём заболевании. Вон и глаза у тебя — красные.

— А почему у бегемотов глазки красненькие, — неожиданно спросил Бегемот, — знаете?

— Почему?.. — оторопел Козёл.

— Чтобы легче в земляничке прятаться!

— Да ну тебя с твоими шуточками! Тут дело нешуточное!

Поезд по-прежнему медленно тащился по равнине с редкими сосновыми и берёзовыми рощами. Смеркалось… На автомобильных переездах появились зайчихи с фонарями и флажками.

— А что ты теперь там видишь? — опять начал Козёл, показывая на очередную зайчиху с фонарём.

— Фонарь.

— Правильно, — оживился доктор. — А кто его держит?

— Макака, — простодушно ответил Бегемот.

— Тьфу ты! Опять!.. Тяжёлый случай.

— Тяжело, — согласился Бегемот. — А сладенького у вас ничего нет? Мне тогда сразу будет легче.

— На тебе деньги, пастилы в буфете купи. Розовой! — крикнул Козёл уже вдогонку Бегемоту. — Я белую не люблю.

Пастилы Бегемот не купил. Буфет был закрыт на санитарный час.

«Понятно, — догадался он. — Санитары ужинают».

Поезд остановился. Какая-то станция. Ларёк на перроне. И очереди нет.

Но розовой пастилы в ларьке не оказалось. Пришлось бежать на привокзальную площадь. Да и там не сразу найдёшь.

В конце концов, пока он искал и покупал пастилу, поезд ушёл. Такое разве что в страшных снах приснится!..

Бегемот понёсся за поездом. Сначала по шпалам, потом по боковой тропе, затем по пыльному просёлку.

Путь преградила речка. Бегемот так спешил, что сбил с ног Енота-полоскуна, который стирал у брода свою полосатую рубаху.

В мгновение ока Бегемот вплавь перебрался на другой берег. Брод бродом, да ноги-то у него короткие! А Енот невозмутимо уплывал себе вниз по течению, продолжая свою стирку.

— Извини, друг! — опомнившись, крикнул ему Бегемот.

— Зелёный крокодил тебе друг! — сердито откликнулся Енот-полоскун.

— Верно, — наивно просиял Бегемот. — Я тоже почему-то так думаю. Умён, понимает!

Поезд скрылся вдали…

На своё счастье, Бегемоту удалось остановить попутный грузовик.

— Поезд ушёл! — взмолился он. — Догнать не могу!

Шофёр, круторогий Баран, посочувствовал:

— Запарился, аж мокрый. Полезай в кузов. Мы его на следующей станции перехватим.

И машина помчалась вдогонку за поездом. Она даже обогнала его, но вскоре пришлось остановиться. На переезде, на глухом полустанке, дорогу преградил шлагбаум.

Баран и Бегемот вылезли из машины.

У переезда стояла Зайчиха с фонарём и флажком.

— Кормят-то хоть ничего? — спросил Баран своего пассажира.

— Где? В зоопарке?

— А разве ты не оттуда сбежал?

— Я не сбежал, я просто отстал. А кормят, честно скажу, плохо.

— Сейчас всем плохо, — вздохнул шофёр. — Свинская жизнь!

Из домика возле переезда донёсся плач зайчонка.

Послышался шум приближающегося поезда.

— Милок, подержи фонарь, — обеспокоенно попросила Зайчиха Бегемота, вручила ему фонарь, флажок и упрыгала к домику.

Поезд медленно проходил переезд. Внезапно Бегемот увидел в окне доктора Козла и радостно замахал ему фонарём.

Козёл остолбенел, не поверив глазам своим, затем отшатнулся и упал без чувств на лежак. Виданное ли это дело — на каком-то глухом полустанке, на переезде, стоит его пациент с красным фонарём!

Состав ушёл.

Грузовик доставил Бегемота к следующей остановке поезда как раз вовремя.

— Большое африканское спасибо! — горячо поблагодарил Бегемот шофёра. — А знаете, вы очень на антилопу похожи!

— Моя отдалённая океаном родственница, — согласился Баран. Не Козёл. Не стал спорить.

Когда Бегемот вошёл в свое купе, доктор Козёл по-прежнему лежал без чувств. Такое потрясение!

Бегемот побрызгал на него остывшим чаем из стакана.

— Ох!.. — приоткрыл глаза доктор. — Это ты?

— Ага. Я пастилы принёс. Розовой!

— Какая тут пастила?.. — слабо пробормотал Козёл. — Не поверишь… Гляжу я в окно, а на глухом полустанке, у переезда, ты стоишь и мне красным фонарём машешь!

— Тяжёлый случай, — обеспокоился Бегемот. — Нешуточное дело.

— Ещё бы!

— Может, почудилось? Может, видения? Может, снова в окно поглядите?

— Боюсь, — наотрез отказался Козёл и закатил глаза.

В столице Бегемот принёс на плече стонущего Козла в зоопарк и сдал его, как говорится, с рук на руки крупному медицинскому светилу — Горному Козлу.

— А нам сообщали, что бегемота на консультацию привезут. Вечно напутают!

Привели Козла в чувство лошадиной дозой нашатыря.

— На что жалуетесь?

— На него, — сразу указал Козёл на Бегемота. — Видать, заразился.

— Чем? — строго спросил Горный Козёл.

— Чем-чем… — проблеял Козёл. — Вижу то, чего нет. Представляете, едем мы в поезде, гляжу я в окно и вижу: на глухом полустанке, у переезда, он стоит, — и указал на Бегемота, — и красным фонарём мне машет!

— Шутите?

— Какие там шутки! Того и гляди, копыта отбросишь!

— Да, нешуточное дело, — призадумался Горный Козёл.

— Тяжёлый случай, — уже привычно поддакнул Бегемот.

— Будем лечить. Необходим абсолютный покой.

— И пастила. Он розовую любит, — посоветовал Бегемот.

— Учтём ваше пожелание как специалиста.

— Да какой он специалист? — вскинулся было бородатый Козёл. — За окно поезда смотрит, а там обезьяны по пальмам скачут!

— Успокойтесь, батенька, успокойтесь!

И сёстры-лисоньки, мигом уложив брыкавшегося Козла на каталку, увезли его в отдельную палату. С цветным телевизором.

Почему Бегемот во всём не признался?

«Пусть доктор полечится, — полагал он, — полежит, отдохнёт. Намучался с нами, горемыка, в нашем зоопарке-то. Нас много, а он один».

А сам себе Бегемот сказал: «И чего тут такого, что иногда я вдруг родину вижу, хоть её никогда и не видел? Что тут плохого? Может, я по ней тоскую!»

МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ

Это был небольшой зоопарк. Если взглянуть сверху — ну, хотя бы вон с тех балконов, — то хорошо видно, что располагался он квадратом, с трёх сторон зажатым здоровенными домами. Четвёртую сторону замыкала узкая улица, по которой бегал длинный двойной троллейбус.

На квадрате зоопарка, расчерченном проходами, виднелись другие квадратики: клетки и вольеры со зверями. Своего рода маленький тихий городок внутри большого шумного города.

Каждый день толпа посетителей, растекаясь по узким проходам, с наивным восторгом разглядывала зверей.

А каково было им, зверям?

Вечно удивлённый жираф ютился в тесной загородке из строгих железных копий — три шага влево, три вправо по серой вытоптанной травке.

Он то и дело вздрагивал, когда по проводам, висящим чуть ли не перед его носом, проскакивали высокие дуги троллейбуса, пробегающего почти впритык к забору зоопарка.

Царственному льву в его клетке было ещё теснее, чем жирафу. Лев монотонно «расхаживал» по кругу, изогнувшись всем телом, — бесконечным кольцом.

Иногда львиный хвост с кисточкой выскакивал сквозь прутья наружу. Дети пытались схватить его, и тогда лев оскорблённо поджимал хвост.

А слон-великан?.. Он вообще стоял как врытый. Негде даже повернуться в загончике. Слон мрачно качал хоботом из стороны в сторону. И только лишь его хобот мог выйти за пределы изгороди, да и то в вышине — в вольном небе.

А взгляните — ох, ох! — на бедного белого медведя. Жарко… Он застыл, пригнувшись, над бортиком мелкого бетонного водоёмчика величиной с две обычные ванны. Неужели собрался нырнуть?

Правильно, что передумал. Медведь уселся в бассейне, заняв его почти весь. Набирая пригоршней воду, он обмахивался как бы водяным веером.

И вот однажды ночью случилось Необычайное.

Сразу скажем, ночь была как ночь. Звери спали. Поперёк узких дорожек лежали торчащие из-за прутьев загородок всевозможные хвосты, лапы, разные копыта и даже шея жирафа. Разумеется, вместе с головой.

Не знаем, как спят жирафы на воле. Возможно, они спят стоя или сидя. Но здесь он спал именно так. Неволя чему угодно научит.

Дозором проехал на велосипеде сторож в форменной фуражке, мигая фонариком и тренькая звонком.

Звери на его пути поспешно убирали свои конечности в тесные загоны и клетки.

Труднее всех пришлось жирафу. Голова застряла меж прутьев. Наконец — хлоп! — он продёрнул её к себе и, подламываясь на тонких ногах, встал. Сонно покачиваясь, вновь

начал оседать, весь складываясь и ужимаясь.

В конце концов он стал укладывать шею петлями наподобие пружины. И всё продолжал сжиматься калачиком.

Жираф становился меньше, меньше, меньше…

И вскоре превратился в совсем маленького жирафика. Облегчённо вздохнув, он заснул себе спокойно в просторной теперь загородке.

Изумлённый лев, недоверчиво глядя на превращения своего соседа, тоже начал сжиматься, втягивая гривастую голову в плечи и поджимая лапы под брюхо.

Ещё, ещё, ещё! И нате вам — также превратился в маленького льва.

Оттопырив широченное ухо и приоткрыв большой любопытный глаз, смотрел на всё это великан слон.

Да и белый медведь — дремлет, дремлет, а всё-ё видит!..

Утром служители и ранние посетители зоопарка, раскрыв рты, круглые, как луна, ошеломлённо глядели на изменившихся зверей.

Маленькие жираф, лев, слон — ну, словно маленькие, — весело бегали по своим большим теперь владениям.

А белый медведь-малютка лихо нырял в бетонный бассейн и самозабвенно мерил его сажёнками.

Раскрытые рты людей превратились в полумесяцы улыбок. Смех, ликованье, аплодисменты!

Прошло время…

Гонит, кружит ветер в небе жёлтый осенний лист. Вертясь, он опустился и накрыл, словно крышей, всё пристанище малюсенького льва, который опять, как когда-то, монотонно расхаживал, изогнувшись всем телом, внутри своей клеточки.

И жирафик, и слоник, и крохотный медведь — все звери снова находились в тесных загончиках. А стены новых здоровенных домов, наступая, уже захватили почти всю прежнюю территорию зоопарка.

А может ли быть другой конец этой грустной истории? Что ж остаётся зверям?.. Уменьшаться дальше и дальше?!

Мне приснился жуткий сон.

Лабораторный столик, стоящий на пятачке бетонного дворика. Тянется очередь посетителей. Они поочерёдно смотрят в глазок большого микроскопа на… зоопарк. А там — самые разные звери, и каждый — за своей загородочкой.

СКАЗКА ДЕСЯТОГО ЭТАЖА

Мальчик в больших очках сидел за письменным столом и сосредоточенно ремонтировал игрушечную машину — открытый заводной вездеход. Поглядывая на схему, он ловко

орудовал отвёрткой.

Перед ним на стене среди фотографий гоночных автомобилей и ракет выделялся плакат Аэрофлота: длинные острия пальмовых листьев указывали в небе международные маршруты авиалиний, а под пальмой лежал огромный крокодил и глазел вверх на белый реактивный самолетик.

Вокруг Мальчика по всему полу, взмывая на эстакады, с треском носились заводные машины. А на экране телевизора лихо гоняли мотоциклисты.

За окном на подоконнике суматошно чирикали по-весеннему бархатно-серые воробьи.

Покосившись на птиц, Мальчик шагнул к окну и резко захлопнул форточку — птицы улетели, надоедливое чириканье исчезло.

Вернувшись к столу, Мальчик тщательно прикрепил на вездеходе мигалку, а затем сгрёб в коробку автонабора «Сделай сам» оставшиеся ненужные детали.

Да, серьёзный он был человек.

С важным учёным видом Мальчик, в куртке на молниях и с большим ранцем за плечами, вышел из квартиры.

Деловито надавил кнопку лифта. Донёсся гул поднимающейся кабины.

Створки дверей лифта, с цифрой «9», раздвинулись, он вошёл внутрь и нажал кнопку первого этажа. Кабина поехала вниз. И вдруг, скрежетнув, застряла между этажами.

Он нажал на кнопку «Вызов диспетчера». Казённый голос пробубнил что-то невнятное.

Мальчик начал нажимать разные кнопки. На панели было десять этажных кнопок, и самая верхняя, десятая, — перечёркнута белой краской, потому что дом был девяти этажный.

Кабина наконец-то снова поехала вниз.

Из подъездов дома выскакивали ребята с портфелями и бежали через двор. И Мальчик появился из своего подъезда. Он не спешил, у него всё было рассчитано по минутам. Даже всякие непредвиденные задержки предусмотрены.

Двор был небольшой, почти сплошь заасфальтированный. За аркой ворот виднелась улица, где взмывали на настоящую эстакаду настоящие автомобили.

Два взъерошенных воробья прыгали посредине двора. А немного подальше на пятачке робкого солнышка спал полосатый кот.

Мальчик деловито расстегнул ранец.

Воробьи испуганно замерли, когда на них вдруг бешено помчалась заводная машина. В последний миг воробьи вспорхнули, и она стремглав влетела прямо под кота! Очумевший спросонья кот понёсся по двору на вездеходе!

Выла сирена, сверкала мигалка!.. Доносился беззаботный смех Мальчика.

Подпрыгнув на камешке, машина вильнула к яме, ограждённой редкими досками. С душераздирающим мявом кот взмыл на сук высокого голого дерева, торчащего на небольшом газоне. А машина, нырнув меж досок, исчезла в яме.

Озорник подбежал и взглянул вниз, где сиротливо валялся в луже его опрокинутый вездеход

с умолкшей сиреной и погасшей мигалкой.

Он быстро отломил от дерева толстую длинную ветку.

Кот на дереве сразу забрался выше!

А Мальчик, зацепив рогулькой машину, достал её из ямы. Отшвырнул ветку и торопливо ушёл, спрятав вездеход в ранец.

Мальчик вновь появился во дворе уже после школы. Он на ходу ковырял отвёрткой в своём вездеходе.

Завидев его, сразу разлетелись прыгающие по асфальту птицы. А полосатый кот привычно полез на дерево!

Мальчик внезапно остановился.

Возле большой ремонтной машины теснились ребята. На синем её боку крутились шестерни с цепной передачей — и выдвижной «стакан» поднимал электрика с железным чемоданчиком в руке к фонарному колпаку. Подъёмная площадка вдруг остановилась, заело передачу, и монтёр никак не мог дотянуться до фонаря.

Мальчик подошёл к машине, поглядел и крутанул отвёрткой в шестерне — электрика мигом подняло на нужную высоту. Не заметив случайного помощника, он принялся менять лампу.

Ребята с уважением посмотрели на умельца, и какой-то первоклашка восторженно показал большой палец. А Мальчик опять невозмутимо принялся за ремонт своего вездехода, направляясь к подъезду.

Он вошёл в лифт и нажал кнопку девятого этажа. Кабина поехала.

Неожиданно она вновь застряла. Он опять надавил на кнопку вызова диспетчера. Механический голос снова пробубнил что-то невнятное.

Мальчик стал нажимать на разные кнопки. И ненароком надавил на перечёркнутую десятую. Кабина поехала. А он снова склонился над вездеходом.

Вот за стеклом появилась цифра «9», но кабина… не остановилась. Она замерла только на следующем этаже, с цифрой «10».

По-прежнему ничего не замечая и копаясь в своём вездеходе, Мальчик вышел наружу.

Ветер взъерошил ему волосы, он поднял голову и от изумления даже выронил машину с отвёрткой!

По небу плыли белые облака, на лету меняя очертания и превращаясь в причудливые скалы, острова, парусники. В небе шелестели диковинными стрельчатыми листьями высокие пальмы, как на том плакате Аэрофлота.

Мальчик протёр очки. Он стоял на холме, а повсюду на солнечном просторе шумел тропический лес!

Скрежетнув, начали медленно сдвигаться за его спиной створки лифта. Он поспешно вставил между ними ранец.

И тогда — зазвучала волшебная музыка десятого этажа. Всё вокруг разом изменилось: то ли сам Мальчик неимоверно уменьшился, то ли необычайно увеличились и деревья, и кабина лифта, и даже школьный ранец.

Мальчик попятился и споткнулся об отвёртку. Он растерянно поднял её. Она была здоровенной, размером с его руку.

И тут раздался резкий шум мотора!

Он в испуге обернулся. Взаправдашней величины открытый вездеход подпрыгнул на больших колёсах, ринулся вперёд и своим бампером словно закинул его на заднее сиденье.

Сжимая, как копьё, блестящую отвёртку, Мальчик понёсся на неуправляемой машине с холма. Стремительно замелькали по сторонам исполинские деревья. У него теперь был такой же ошалелый вид, как утром у кота-гонщика.

Две птицы, удивительнб похожие на обычных воробьев, но величиной с грозного орла, подпрыгивая, играли в догонялки на склоне холма.

Внезапно раздался оглушительный треск — они еле успели взлететь, теряя перья, — это промчался неистовый вездеход!

Взмахивая неимоверными крыльями, птицы яростно полетели вдогонку.

Мальчик торопливо перебрался на водительское сиденье. Но руль не слушался. Педали не подчинялись.

Вдруг машину подбросило, как на трамплине, и она вновь приземлилась, продолжая бег.

Огромный тигр — не тигр, лев — не лев, котофей — не котофей, но очень напоминающий того дворового полосатого кота зверь спросонья подскочил и озадаченно взглянул на следы от шин на своём боку.

Громко взревев, он помчался за пылящим вездеходом.

Мальчик на ходу чинил здоровенной отвёрткой машину, тревожно оглядываясь на преследователей.

И вот что-то щёлкнуло, и вездеход сразу увеличил скорость, отрываясь от погони.

Но руль по-прежнему был зажат намертво. Мальчик опять лихорадочно взялся за отвёртку.

Гигантский, словно с того же плаката Аэрофлота, крокодил, лежавший поперёк ручья, разинул навстречу спешившему с холма вездеходу ужасную пасть. Она свободно вместила бы целый микроавтобус!

Но вот на машине включилась мигалка, завыла сирена.

Крокодил в страхе захлопнул челюсти. И вездеход промчался по нему, сотрясая его от самого носа до конца хвоста, на тот берег, словно по живому мосту.

Не успел крокодил снова раскрыть пасть, как вновь весь затрясся — это протопал по нему огромный тигролев-котофей.

Ошеломлённо растопырив свою пасть в третий раз, крокодил недоверчиво выждал ещё немного, с лязгом защёлкнул какую-то муху, которая тут же вылетела из его ноздри, и сконфуженно нырнул.

А погоня продолжалась: на земле, в воздухе и по воде. Воробьи-орлы, тигролев-котофей!.. А по извилистому ручью неистово плыл крокодил, прислушиваясь к сигналам сирены.

Мальчик обернулся. Котофей почему-то понёсся направо. Отставшие птицы полетели куда-то

налево.

Машина по-прежнему не слушалась руля, мчась по ухабистой лесной дороге. Мальчик опять что-то крутанул под рулём отвёрткой.

Вездеход вырвался на развилку дорог.

Наконец-то! Руль подчинился, Мальчик стремительно повернул вправо. Но здесь дорогу преграждал огромный котофей, широко расставив грозные лапы!

Мальчик повернул влево. И здесь дорогу ему закрывали хищные птицы, широко растопырив крылья!

Тогда он погнал машину прямо. Отчаянно вскричала погоня. И…

Слишком поздно беглец понял, что дальше пути нет: с налёту прорвав заросли, вездеход полетел в пропасть, где виднелась в воде разинутая крокодилья пасть.

Мальчик, крича, кувыркался в воздухе над машиной.

Неожиданно его приняла на крыло одна из гигантских птиц. Он пружинисто отлетел от неё на крыло ко второй. И она упруго подбросила его вверх, прямо в лапы полосатого тигрольва-котофея, стоявшего наготове у края обрыва.

Машина с грохотом исчезла в пасти крокодила. И он с ошалелым воем сирены, сверкая глазом, как автомигалкой, ринулся прочь.

Крепко зажмурившись, беглец лежал на лапах огромного котофея. А когда раскрыл глаза, то зверь заулыбался ему и потёрся усатой пушистой щекой об его щёку.

Внезапно донёсся резкий металлический стук. Мальчик оглянулся.

Стук доносился из кабины лифта, поблёскивающей на холме. Это, очевидно, где-то там, на других этажах, негодовали на остановку лифта.

Котофей посадил Мальчика себе на спину и быстро доставил его к кабине.

Мальчик спрыгнул и пожал ему лапу. Воробьи-орлы в небе прощально покачали крыльями.

Волшебная музыка десятого этажа смолкла. Тигролев-котофей и воробьи-орлы исчезли.

Мальчик снова стал прежнего роста. Выдернув ранец из створок дверей, он протиснулся в кабину и нажал кнопку своего этажа.

Дома он невольно взглянул на аэрофлотовский плакат с пальмой.

Плакат как плакат. Да только на нём возле крокодила появились игрушечный вездеход и отвёртка!

На другой день, возвращаясь из школы, Мальчик нетерпеливо дождался, когда вспыхнул зелёный свет, и помчался через улицу, ныряя между прохожими.

Ворвался во двор. Разлетелись птицы. Кот опять залез на дерево!

Мальчик ринулся к лифту. Двери открылись, оттуда вышел вчерашний электромонтёр, на ходу защёлкивая чемоданчик с инструментом. И Мальчик прямо под его рукой влетел в кабину.

Он уже поднял палец, чтобы нажать заветную кнопку, да так и застыл.

Кнопочная панель была совсем иной, другого размера и цвета, а главное, только с девятью кнопками девяти этажей. Десятой не было!

Мальчик нажал самую верхнюю кнопку. Кабина после ремонта плавно, без скрежета, пошла вверх.

Он выскочил на последнем, девятом, этаже. Выше, к полуоткрытой дверце, вело несколько ступенек. Он побежал по ним.

…Мальчик одиноко стоял на плоской крыше.

Кругом торчали серые дома. Лишь на горизонте виднелся низкий тёмный лес.

Он глянул вниз. И внезапно, выйдя из-за туч, всё волшебным светом преобразило солнце: засверкал двор, высветился зелёный газон и расцветшее весенними листьями одинокое дерево, на котором сидел кот. Пронеслась стайка вспыхнувших на солнце птиц. И возникла музыка десятого этажа!..

Забыв про лифт, бежал Мальчик вниз по лестнице.

Вылетел во двор. Спешил…

Тьфу ты! Возле самого газона развязался башмак. Присев, Мальчик начал завязывать непослушный шнурок.

Возле газона прямо через мостовую пробивалась травинка, а на неё давил уже почти отскочивший кусочек асфальта.

Мальчик откинул его щелчком, и травинка медленно выпрямилась. Волшебная музыка продолжала звучать в его ушах.

Он даже протёр очки: привычное дерево непривычно мощно уходило ввысь! А в развилке, свесив важную главу, грелся на солнышке среди первой зелени знакомый кот. Знакомый?..

С рыжими подпалинами, полосатый, напоминающий тигра, казалось, неправдоподобно огромный, добродушный кот широко раскрыл сверкающие глаза. В них отразились во весь рост два маленьких мальчика.

Узнав обидчика, кот суетливо полез вверх и на ходу оглянулся. Тот приветливо помахал рукой. Недоверчиво глядя на него и продолжая взбираться выше и выше, кот хватанул лапами воздух и с криком сверзился вниз!

Крепко зажмурившись, он ошеломлённо лежал на руках поймавшего его Мальчика. Осторожно приоткрыл один глаз.

Вчерашний обидчик дружелюбно ему подмигнул.

И тогда — неужели почудилось? — кот подмигнул ему тоже, а затем потёрся своей пушистой щекой о его щёку.

Мальчик выкопал руками ямку в рыхлой земле и посадил толстую длинную ветку, отломанную вчера.

Он изумлённо смотрел, как вдруг на ней начали лопаться почки и вытягиваться зелёные листки.

На ветку тут же доверчиво села парочка воробьев и, раскачиваясь, шумно загомонила на весь двор — в этом обычном и волшебном живом мире.

ХОРОШЕНЬКАЯ КОМПАНИЯ

Солнце сверкнуло зайчиком в зажмуренный глаз сладко спящего Вити Рыжкина. Витя что-то сонно проворчал и перевернулся на другой бок.

А за окном уже давно спешил, шумел, работал город. Пешеходы, строительные краны, машины…

В соседней комнате тоже шла деловая суета: бабушка гладила Витины брюки, рубашку, чистила его туфли.

За всем этим неодобрительно наблюдала младшая сестрёнка Вити.

Она на цыпочках вошла к брату и громко сказала:

— Вставай, лентяй!

— Ещё рано, — промычал Витя, наморщив нос, — успею.

— Это бабушка успеет, а не ты, — с наивной серьёзностью осудила его сестрёнка.

— Ей полезно, — сонно потягиваясь, заметил Витя. — Она сама говорит, что без дела сидеть не может.

— Она-то сидеть без дела не любит, — вздохнула сестрёнка. — Зато ты любишь без дела лежать. Она даже уроки за тебя делает!

— В конце концов каникулы сейчас или нет? — проворчал Витя, неохотно вставая.

Он позавтракал и хотел было снова отправиться с журнальчиком на боковую, но сестрёнка появилась из коридора с большим веником в руках и строго сказала:

— А теперь за хлебом сходи. Ты же вчера обещал!

— Мало ли что я обещал!

Но всё же пришлось подчиниться. Она — такая, не отвяжется, да ещё с таким веником!.. Витя насупился, получил от бабушки деньги и, вздыхая, отправился в магазин за хлебом.

Сразу за хлебом он, конечно, не пошёл. Успеется! Решил сначала погулять.

Вразвалочку шагая по пустынной аллее парка, он случайно обернулся и вдруг заметил, что следом за ним вышагивают трое таких же Вить-близнецов. Хотя если всмотреться, то они слегка отличались друг от друга: один был немного потолще, другой — чуть повыше, а третий, как говорится, — серединка на половинку. Причём у него, у третьего, почему-то бегали глаза, словно он чего-то боялся.

— Вы кто? — оторопел Витя.

— Я — Витюня, — нехотя ответил первый. — Твоя лень.

— Я — Витек, — заявил второй. — Витёк-врун. Хотя сейчас, так и быть, не вру. Не знаю даже почему.

— Лень, — подтвердил Витюня.

Третий шмыгнул носом и огляделся по сторонам:

— А я — Витенька. Твоя трусость.

— Не врёт, — кивнул Витёк-врун, глядя на ошеломлённого Витю.

— Да… В хорошенькую я компанию попал, — уныло оглядел своих спутников Витя.

Они сразу приосанились.

— Правда? — просиял Витёк-врун.

— Так и будете теперь за мной ходить? — хмуро спросил Витя.

— Так и будем теперь, — согласились они. — Когда-то ведь нужно. Рано или поздно, Куда нам от тебя деться?

— Что, испугался? — хихикнул Витенька-трус.

— Как же мне от вас избавиться? — вслух размышлял озадаченный Витя.

— А зачем? Лень, — зевнул Витюня.

— Это, наверно, опасно, — предупредил Витенька.

— Ты и так молодец! — похвалил Витек.

— Чего это ты меня хвалишь? — прищурился Витя.

— Не ври — не хвалю, — улыбнулся Витек. — Мы тебя очень любим!

— За что? — вспылил Витя.

— Ты самый храбрый, — заявил Витенька.

— Ты самый трудолюбивый, — помакнул Витюня.

— Отстаньте от меня, по-хорошему, — сжал кулаки Витя. — А то я вам!..

— Напугал! — ехидно заметил Витенька-трус. — Сам испугаешься!

— Лень ему, — произнёс Витюня-лентяй.

— Врёт, — прошептал Витёк-врун. — Куда тебе без нас! Ты же сам не хочешь с нами расставаться.

— Вам-точто… — внезапно потускнел Витя. — А мне хоть пропадай.

— Не волнуйся. С нами не пропадёшь, — заявил Витек. — Надо только…

— Струсить, — подхватил Витенька.

— Слентяйничать, — продолжил Витюня.

— И соврать, — закончил Витек. — Тогда полный порядок. Ты же у нас гениальный мальчик!

Витя невольно расцвёл улыбкой, а затем нахмурился:

— Врёшь?

— Нет, — округлил глаза Витек.

— Значит, да, — огорчённо кивнул Витя. И, не оглядываясь, пошёл по аллее.

Старик садовник, тяжело нагибаясь, вскапывал необозримый газон. Работы здесь было невпроворот.

Витя, покосившись на своих неотрывных спутников, вдруг подошёл к садовнику.

— Давайте, дедушка, я вам помогу!

Витины близнецы дружно заныли:

— Жарко! — простонал Витюня.

— Надорвёшься, — заботливо предупредил Витенька.

А Витек нахально заявил садовнику:

— Да не слушайте вы его! Он врёт!

— Я? Вру? — вскричал Витя, схватил лопату и выдал такой темп работы, что Витюня-лентяй с душераздирающим криком: «Не надо! Ой, не могу! Устал!» — мгновенно лёг на травку и положил ладони под голову.

Но Витя, не обращая на него никакого внимания, продолжал яростно копать…

Старый садовник, взглянув на большой вскопанный газон, крепко пожал своему невольному помощнику руку.

Витя оглянулся. Теперь сзади стояли только два его спутника: Трус и Врун. А Лентяй исчез.

— Такого замечательного товарища потеряли, — вздохнул Витек. — Такого трудолюбивого и честного, как я! — Он пустил слезу.

— А какой смелый был! — подхватил Витенька-трус. — Под высоким деревом лежал, пока ты копал! А если б гроза, а если б молния в него ударила? — бубнил он, когда они уходили по аллее от садовника.

А дальше случилось совсем уж невероятное! Выйдя из парка, Витя увидел, что возле бессветофорного перехода, напротив Зоопарка, стоит Лев и тревожно лижет мороженое, боясь перейти шумную улицу.

— Никак домой не попаду, — озабоченно кивнул Лев на Зоопарк.

— Пошли, — Витя с опаской положил ему руку на гривастую шею, — а то ещё под поливальную машину попадёшь. Со мной не бойся.

— Вот ведь врёт! — восхитился Витёк-врун.

— Рискуешь, — зашептал Вите на ухо Витенька-трус. — А что если в нём зверь проснётся? А что если «МАЗ» налетит? А что если…

Но Витя, не слушая их, уже вёл Льва через улицу.

— Я ничего не боюсь, — признался Лев, — кроме уличного движения.

— Тут тебе не в джунглях, — посочувствовал Витя. — А почему ты здесь, а не в Зоопарке?

— А я за мороженым бегал, — виновато замигал Лев. — Мне одна добрая бабуля, богатая пенсионерка, вместо косточки пятьдесят рублей кинула. Вот я и съел земляничный пломбир. В Зоопарке такой не продают!

— Почему же ты за мороженым бежать не боялся, а обратно — боишься?

— Ясно же, сюда-то я за мороженым бегал, — сказал Лев. — А обратно… Ведь я его уже купил!

Они благополучно перешли улицу. Все машины почтительно уступали дорогу мальчику со Львом. Витины близнецы проследовали за ними.

— Большое львиное спасибо, — поблагодарил Витю Лев. — Ты, я гляжу, очень смелый. Признайся, ты, наверно, в школе первый храбрец?

Витя обернулся. Витек умоляюще глядел на него: соглашайся, мол, ^оври. Что тебе стоит!

— Нет, — с трудом сказал Витя Льву. — Я и тебя боялся, и машин боюсь. И это ты меня через улицу перевёл, если честно.

Витёк-врун за спиной Вити тут же исчез, остался только Витенька-трус.

— Слава Богу, хороший нам Лев попался. Добрый, — ухмыльнулся Витенька. — Злые мороженое не едят.

— Никогда, — погладил его огромной лапой по голове Лев, так что волосы у Витеньки-труса встали дыбом. И унёсся в Зоопарк, перепрыгнув через билетёра у ворот.

— Ваш билетик! — запоздало крикнул тот.

Витя и его последний спутник Витенька вышли к реке, вспыхивающей сотнями разбитых зеркал на солнце.

— Спасите! Наташенька тонет! — внезапно закричала маленькая девочка.

Она в отчаянии глядела, как в волнах мелькает головка с большим бантом.

— Сама выплывет! Не лезь! — сразу, на всякий случай, предупредил Витенька Витю. — Потонешь — тогда лучше домой не приходи! Ты ведь плавать не умеешь!

— Назло тебе сумею, — и Витя бросился в воду прямо в одежде.

— На помощь! — завопил Витенька-трус. — Где спасательные круги? Куда смотрит милиция?

К счастью, здесь оказалось неглубоко. Витя вынес на берег… большую куклу.

— Эх, ты, — сказал он маленькой хозяйке куклы. — Если б я знал… — нахмурился он и вдруг улыбнулся, — всё равно бы спас.

— Большое спасибо! А куда ваш друг делся? — растерянно огляделась она.

Витя повертел головой. Витенька-трус исчез, будто его и не было.

— Он мне теперь не друг, — смутился Витя. Вода лила с него ручьями.

Так вот, весь мокрый, он и заявился домой.

— Я хлеба не успел купить, — виновато сказал он оторопевшим бабушке и сестрёнке. — Деньги надо подсушить.

— Сушат сухари, а не деньги, — съязвила было сестрёнка и осеклась.

Она вдруг увидела в брате такое, чего раньше никогда не видела. И, наверно, даже не смогла бы объяснить, что в нём изменилось. Но то, что он стал каким-то другим, было бесспорно.

— Тебя и не узнать, — присматривалась к внуку и бабушка. — С чего бы это?

— Как-нибудь расскажу, — рассмеялся Витя Рыжкин.

А раньше он почему-то никогда не смеялся. Только ворчал.

С тех пор Витя вырос, стал Виктором, но иногда идёт и нет-нет да и оглянется: не плетутся ли вслед за ним прежние спутники.

Ведь они отстают только временно. И поэтому полезно иной раз оглянуться на самого себя. Чего и Вам советуем!

ЖИТЕЛИ КРАСНОЙ КНИГИ

Коле было почти десять лет, а его младшему брату Мишке — уже побольше семи. В этот день, отправляясь пораньше в школу, они решили по пути заглянуть в Зоопарк, потому что старшему брату поручили к сегодняшним занятиям подготовить доклад о фауне Индии. А он, конечно, ничего не сделал.

Школа, в которой учились братья, находилась напротив Зоопарка. Когда мимо них потянулся его дощатый забор, Мишка спросил:

— Коль, а зачем зверей в зоопарке держат?

— Чтобы дразнить, — ухмыльнулся старший брат. — Не забивай мне голову, а то в неё ничего не влезет об этой индийской фауне!

— О чём?.. — удивлённо переспросил Мишка, услышав незнакомое слово.

— Ну, о всех там… ползучих, летающих, бегающих. О животном мире, балбес!

Оглядевшись, Коля отодвинул знакомую доску в заборе, и братья оказались в Зоопарке.

Они пробежали по аллее и остановились у большой таблички: «Тигр бенгальский». Ниже сообщалось о том, где он водится, какие у него повадки и так далее.

— Семейство кошачьих, — прочитал Коля, быстро занося данные в тетрадь. — Записан в Красной книге.

— Ну что, усач, добегался? — сделал ему зверскую рожу на прощание Коля.

Тигр, обидевшись, скорчил ему вслед… человеческое лицо. И только ребята отошли подальше, как рассвирепевший тигр принялся бесшумно выламывать решётку.

Братья подбежали к вольеру для хищных птиц. Огромный кондор сидел на сухом пне.

— У-у-у! — состроил и ему рожу Коля, на ходу записывая новые данные. — Ну что, король птиц, долетался?

И только братья ушли, как разъярённый кондор, тяжело взмахнув подстриженными крыльями, вдруг поднялся в воздух. Настолько его довели!

Затем братья приблизились к террариуму для змей. Здоровенный питон, а попросту удав, грелся на солнышке.

Быстро записывая и его данные, Коля опять не удержался, высунул язык и насмешливо произнёс:

— Ну что, червяк, доползался?

— Опаздываем! — ужаснулся младший брат, взглянув на уличные часы.

И они понеслись к выходу.

А питон, яростно выдохнув воздух, стал плоским и пролез наружу под сеткой террариума.

Братья вбежали в школу. Мишка помчался к двери с табличкой «1-й Б». А Коля бросился было к двери «3-й А». Затем стукнул себя кулаком по лбу — негромко, правда, — и метнулся к «Кабинету биологии».

В кабинете, заставленном разными чучелами и стендами с гербариями, молодая учительница в очках с толстыми стёклами заканчивала перекличку.

И только она назвала фамилию «Куликов», как Коля, влетевший в кабинет, отозвался:

— Я здесь!

И через мгновение он уже занял свободное место у открытого окна, за которым виднелся Зоопарк.

— Тема сегодняшнего урока — «Фауна Индии», — объявила учительница.

Тут в полуоткрытую дверь кабинета проскользнул бенгальский тигр, мягко затворив её за собой полосатым хвостом.

Тем временем учительница, ничего не заметив, вывешивала на доске большой плакат с изображениями зверей:

— Самое известное животное, наиболее распространённое в индийской Бенгалии…

— Тигр! — закричали ученики.

— Правильно, — оглянувшись, она увидела тигра, который мигом замер среди чучел зверей в углу, у самой доски.

Протирая очки, учительница сказала:

— Как это я сразу не заметила наш новый экспонат? Нам давно обещали шефы из Зоопарка. Видимо, вчера вечером привезли. Так вот… — Она взглянула на класс и увидела, что все

ученики были не за партами, а под партами!

Учительница пошла между рядами:

— Что за игра в прятки! Что за шутки!

В этот момент позади неё в открытое окно — незаметно для всех, но не для Коли, — сложив крылья, спикировал кондор, а в щель под дверью просочился питон и снова стал толстым, как бревно.

Кондор грузно сел на шкаф — и у совы, которая столько лет простояла тут чучелом без всяких забот, сразу вывалился стеклянный глаз. А питон свернулся под другим шкафом и застыл тоже наподобие чучела.

Дети ещё больше притихли под партами и явно не собирались вылезать.

— Ну что ж, — усмехнулась учительница. — Меня вы ничем не удивите, сама не так давно была школьницей. Когда надоест, вылезете. Так вот… — повторила она. — А впрочем, Куликов, тебе же был поручен доклад. Прошу к доске!

Но Коля быстро пополз под партами в другую сторону. Учительница подошла и заглянула под последнюю парту. Дальше Куликову ползти было некуда — стена.

— Коля, ты готов? — спросила учительница.

— Готов, — обречённо признался Коля и опять пополз под партами, на этот раз к доске.

— Ну и манеры! Ты что, удав? — снова усмехнулась учительница.

Весь класс не издал ни звука. Только питон невольно захихикал под шкафом, а когда учительница оглянулась, заткнул себе рот собственным хвостом.

Коля наконец встал у доски, скрестив руки на животе, и тонким, прерывающимся голосом начал:

— В Индии водятся… — робко взглянул он на кондора, стараясь вообще не смотреть на замершего рядом тигра, — кондоры, питоны, — покосился на питона, — тигры… — и втянул голову в плечи.

Учительница стояла лицом к классу и не видела, как тигр занёс над Колей свою мощную лапу. Зато Коля увидел — по тени на полу.

— Тигры запросто могут снести одной лапой башку у человека, — скороговоркой зачастил Коля, — но никогда-никогда этого не делают, — зажмурился он, — если их… не дразнят!

Тигр мгновенно убрал лапу и бесшумно вынырнул из класса, открыв носом дверь и прикрыв её хвостом.

Ученики, немного осмелев, вылезали из-под парт, но по-прежнему молча и настороженно.

Учительница улыбнулась и снова протёрла очки.

— А что ты скажешь — хотя бы о кондорах? — обернулась она к докладчику.

Выпустив когти, кондор зло уставился на Колю.

— Он — самый благородный… — вздрогнув, начал тот.

Кондор, несколько размякнув, тут же заботливо вставил выпавший стеклянный глаз соседке-сове.

— Он — самый красивый! — заявил Коля. — Самый быстрый!

Король птиц широко расправил крылья.

— И такой хороший, — чуть не прослезился Коля, — что даже ко всем, кто его обижает, он добрый-предобрый — ну, просто жуть!

Учительница опять не заметила, как кондор, снова сложив крылья, нырнул в открытое окно. Дети ахнули.

А питон начал медленно выползать из-под шкафа.

— Питон! — вскричал уже было успокоившийся класс.

— Вот, кстати, — подхватила учительница, — что ты знаешь о них?

— Ну… питоны… — подыскивал слова Коля, не сводя глаз с удава.

Удав сразу насторожился.

— Тоже… коварные хищники, — дал всё-таки маху Коля.

Удав весь выполз из-под шкафа, готовясь к броску.

— Питоны, или удавы, — своего рода санитары джунглей, — торопливо продолжил Коля.

Удав, одобрительно кивнув, попятился.

— Они приносят огро-о-мную пользу! Их беречь надо! Недаром они как исчезающие записаны в Красную книгу!

Питон опять забрался под шкаф, удобно свернулся, как пожарный шланг, и сладко задремал.

— Садись на место, Куликов. Двойка! — Учительница склонилась над классным журналом и поправила очки. — Я гляжу, ты, кроме того, что звери — добрые и полезные, ничего не знаешь.

Она вновь пошла по классу.

— Итак, почему мы держим зверей в зоопарках? Чтобы их род никогда не переводился!

Питон, очнувшись, под молчаливый восторг класса проскользнул вдоль стены, мягко взобрался на учительский стол и, слизнув двойку в классном журнале, просочился обратно под дверь.

После уроков Коля и младший брат Мишка возвращались домой. Поравнявшись с потайным проходом в заборе Зоопарка, Коля, подняв камень, прибил доску с торчащими гвоздями на место.

— А то ходят тут всякие… — смущённо пояснил он, — и дразнят.

Мишка поднял другой камень и хотел было запустить в голубей, нахально гулявших по тротуару. Но старший брат строго заметил:

— И не думай!

— Почему? — удивился Мишка. — Они же в Красную книгу не записаны.

— По-моему, уже все теперь там, — задумчиво сказал Коля Куликов.

Он знал, что говорит.

СТАРОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Тусклая луна зыбко освещала зубчатые контуры небольшого английского замка, стоявшего на лесистом холме.

По тёмным замковым коридорам и переходам в сопровождении дворецкого со свечой бродил молодой тоскливый господин в строгом сюртуке и поблёскивающем цилиндре.

Метались мохнатые тени, слышались таинственные шорохи. С надеждой вглядывался хозяин замка в причудливую игру теней с загадочными бестелесными силуэтами, напряжённо прислушивался к вкрадчивому потрескиванию половиц, храбро заглядывал за таинственные складки портьер, но нигде никого не было. Он разочарованно вздыхал. А дворецкий безостановочно трясся, как осенний лист.

Какие-то стонущие звуки внезапно донеслись из камина. Хозяин замка поспешно просунул туда голову.

Высоко вверху, в отверстии трубы, сверкнув огненными глазами, перечеркнул звёздное небо филин-полуночник.

Опять разочарованный вздох. Опять загадочные поиски по всему ночному замку.

Всё дело в том, что здесь теперь жил новый владелец, одинокий молодой человек — Генри Смит. А замок он получил в наследство от своего богатого дядюшки. Казалось, такая удача: целый замок! Но человеку свойственно быть вечно недовольным.

С раннего детства, наслушавшись от няньки жутких историй о всяких страшилищах, Генри всё время мечтал их увидеть. С тех пор в поисках привидений он безуспешно облазил чердаки и подвалы многих заброшенных домов, подземные ходы крепостных развалин, пещеры и гроты морского побережья.

И теперь, получив свой замок, он никак не мог заполучить и своё привидение, хотя вот уже две недели с единственным слугой обходил по ночам старинное здание, заглядывая во все закоулки. Нет, напрасны были его старания. Такая обида: замок без призрака!

Но Генри Смит был не из тех, кто отступает перед трудностями. Добавим, что это происходило давно, в начале XX века, когда в привидения верили гораздо охотнее, чем сейчас.

Утром на перекрестке трёх дорог появилось объявление: «Куплю привидение! Одинокий, молчаливый, замкнутый, застенчивый человек, приверженец традиций старой доброй Англии, недавно вступивший во владение замком Грей Хауз, приобретёт за разумную цену привидение. Желательно древнее! Предлагать лично Г. Смиту».

Редкие прохожие, прочитав обращение Г. Смита на щите с объявлениями, только переглядывались, а иные, посмеиваясь, покачивали головами и даже невежливо показывали пальцами на серый замок, видневшийся на холме.

Пыхтя, дребезжа и сигналя, из-за поворота показалось открытое черное «ландо» — прадедушка современного автомобиля. За рулём сидела ярко-рыжая энергичная особа в шофёрских перчатках, плоской дорожной шляпе, с сигарой в зубах.

На борту машины белой краской был намалёван залихватский лозунг: «Равноправие так равноправие!» Напомним, что в это время женщины стали особенно рьяно выступать за равноправие с мужчинами во всём: водить ли машину, курить ли сигары или заседать в парламенте, надеясь — ха-ха! — когда-нибудь стать даже и премьер-министром. К чему это привело, мы уже знаем.

Машина остановилась, пропуская через дорогу всадника — Генри Смита, хозяина замка, — на прекрасном белом коне. Высокомерно окинув взглядом чадящий, трясущийся на месте автомобиль, всадник поскакал к замку.

С вызовом посмотрев ему вслед, рыжая особа невольно взглянула на объявления, до которых ей было рукой подать. Прочитав необычное обращение Генри Смита, она усмехнулась. Тронула было машину с места, но тут же возвратилась обратно.

Она хмуро уставилась на другое небольшое объявление: «Лондон. 15.V1I.1902. Скотланд-Ярд разыскивает небезызвестную Джейн Брокет, совершившую со своими сообщниками ряд дерзких ограблений в столице и пригороде. Приметы: ярко-рыжие волосы, рост 170 см…» И так далее.

Увидев, что осталась на перекрёстке одна, особа быстро сняла шляпу и заменила рыжий парик на чёрный. Ещё раз бросив взгляд на объявление о привидении, она взглянула на замок и продолжила свой чадящий путь.

Тем временем дворецкий уже принимал поводья у своего господина.

Чуть поодаль, у стрельчатого входа в замок, ожидали хозяина двое мастеровых с какими-то большими прямоугольными предметами, похожими на зачехлённые картины.

Хозяин кивнул им и вошёл в замок. Дворецкий и мастеровые со своей поклажей последовали за ним.

В каминном зале хозяин деловито зашагал вдоль стены с тремя узкими окнами. Мастеровые семенили за ним.

Из каждого окна открывался свой вид: на дымящую фабрику на горизонте, на дорогу с одиноким автомобилем, на серенькое небо с ползущим по нему четырёхкрылым перепончатым аэропланом.

Следуя указаниям хозяина, мастеровые ловко закрывали окна, одно за другим, новыми витражами. Вместо вида на фабрику появился романтический пейзаж с развалинами старинной крепости вдали. Вместо прямой дороги с машиной — извилистый живописный просёлок с каретой, запряжённой четвернёй лошадей. А вместо серенького неба с аэропланом — голубая ширь небес с парящим орлом.

На всё это одобрительно взирал со стены портрет вельможи с размашистыми усами, в белом завитом парике, в камзоле и при шпаге.

Наступил вечер…

Хозяин грустно сидел в кресле у горящего камина, напротив него стояло другое, пустое, кресло. Дворецкий бесшумно убирал со стола и ставил на полки огромного буфета массивные серебряные приборы.

Хозяин представил себе, как в соседнем кресле появилось, словно сотканное из тумана, старое-престарое привидение и начало удивительный рассказ. И как бы слышались издалека боевые кличи, ржание коней, бряцание оружия!..

Дворецкий нечаянно уронил зазвеневшую серебряную тарелку, и видение тотчас рассеялось.

Хозяин неодобрительно оглянулся на слугу, затем заинтересованно уставился на него: в бликах света от камина фигура слуги на миг показалась ему какой-то зыбкой, нереальной. Но, увы, только на миг!

Хозяин знаком подозвал его к себе. И о чем-то попросил. Тот нехотя кивнул и вышел. Оставшись один, хозяин задумчиво поглядел на портрет усатого вельможи в парике.

В своей комнате с фотографиями на стенах дворецкий прорезал в простыне дырки для глаз и напялил её на себя.

И вот подученное самим хозяином «привидение» открыло дверь в зал, крадучись вошло. И…

За столом под пустой позолоченной рамой портрета сидел усач вельможа в белом завитом парике, в камзоле и при шпаге!

Дворецкий в ужасе всплеснул под простыней руками.

— А-а-а! — И упал в обморок.

Усатый вельможа бросился к нему, сдёрнул простыню, кинулся за кувшином, брызнул ему водой в лицо.

Дворецкий слабо открыл глаза. И увидел склонившееся к нему озабоченное Лицо вельможи.

— О-о-о! — И вновь потерял сознание.

Вельможа ударил себя кулаком по лбу и поспешно вставил холст картины, лежавший у стены, обратно в раму. Сорвал с себя парик, камзол, шпагу и бросил всё в кованый сундук. Вновь брызнул на дворецкого водой. Тот снова открыл глаза. Теперь над ним, слава Богу, склонялось лицо хозяина, но… с растопыренными усами.

— У-у-у! — И дворецкий опять обморочно закатил глаза.

Хозяин тяжело вздохнул. Но тут, увидев своё неимоверно усатое отражение в зеркале, сам вздрогнул. В сердцах сорвал усы и сунул в карман.

Утром хозяин одиноко сидел за пустым обеденным столом, в нетерпении поглядывая на дверь. Наконец встал, взял с подставки на треножнике колокольчик и резко позвонил.

Дворецкий не появился.

Только сейчас хозяин заметил на подставке листок бумаги. На нём было коряво написано, очевидно, трясущейся рукой: «Я навсегда ухожу от вас. Прошу простить, но мне страшно от ваших причюд, играйте в свои игры с другими». И подпись: «Ваш бывший слуга Уоткинс».

Хозяин машинально исправил карандашом букву «ю» на «у» в слове «причюд». И уныло уронил голову на грудь.

Неожиданно дверь открылась, и вошёл сутулый бородатый старик. Он протянул удивлённому хозяину визитную карточку.

— «Мистер Абракадабр. Продавец привидений», — прочитал хозяин. Он был приятно поражён. — Вы можете предложить привидение?

— Хоть целых четыре — на выбор!

Хозяин поспешно заглянул нежданному гостю за спину, затем даже подбежал к двери и выглянул в коридор.

— Не торопитесь. Сегодня — в полночь, — усмехнулся старик. — Я приду немного раньше.

Хозяин обеими руками затряс его руку. А старик пристально посмотрел мимо его плеча на огромный буфет, заставленный массивными приборами столового серебра.

Если бы владелец замка мог увидеть всё, что произошло после того, как они расстались, он бы крепко задумался.

Выйдя из замка, загадочный старик не спеша двинулся прочь. Затем, озираясь, нырнул в кусты и подбежал к открытому чёрному «ландо», скрытно стоявшему у дороги. В нём сидели трое мрачных громил в строгих, деловых котелках.

Старик выпрямился, став высоким и стройным. Как вы уже, наверное, догадались, это была переодетая Джейн. Та самая девушка, которую разыскивал Скотланд-Ярд.

Скажем в её оправдание, что несчастное беспризорное детство Джейн прошло в злачных, воровских трущобах Лондона и что она, бесспорно, была жертвой злой судьбы.

Но вернёмся в замок Грей Хауз.

Хозяин с трудом дождался наступления ночи. Стрелки каминных часов еле-еле ползли. Так всегда бывает, когда кого-то ждёшь.

Но вот на часах уже — и ещё только — без пятнадцати двенадцать.

Продавец привидений мистер Абракадабр действительно пришёл раньше срока. В этом он не обманул.

Он решительно взялся за необходимые приготовления для встречи с призраками. Сначала открыл дверь в коридор, затем — одно из окон:

— Для духов.

Погасил свечи. Теперь лишь слабо мигали догорающие в камине поленья.

— Для атмосферы.

Начертил на полу мелом магический круг. Написал внутри него: «Потусторонним вход запрещён!» И ещё какие-то иброглифы.

— Для безопасности.

Пригласил войти в круг хозяина и поставил его так, чтобы тот оказался спиной к буфету с серебром. Заботливо поднёс ему рюмку коньяку, украдкой плеснув туда какой-то бесцветной жидкости из медицинского пузырька.

— Для храбрости.

Хозяин замка послушно выпил.

Стрелки часов соединились на двенадцати. Из дверки в часах выскочили бронзовые кузнецы и начали поочерёдно бить молоточками.

Хозяин замер в центре магического круга.

Мистер Абракадабр высунул голову в коридор. Там уже стояли три «призрака», одновременно дорисовывая друг на друге фосфором последние штрихи: кому — надбровные дуги, кому — рёбра скелета, а кому — неизвестно что. Завидев главаря, они поспешно выстроились в очередь.

Бронзовые кузнецы на каминных часах пробили молоточками в последний раз. Хозяин замка осторожно вытянул шею в сторону двери. Мистер Абракадабр внезапно отскочил от неё и нырнул за его спину, к буфету.

В зал вступил зловещий, пылающий неземным светом скелет. У хозяина зарябило в глазах — это начало действовать подлитое снадобье.

Скелет пустился в бешеный пляс! От своей неистовой скачки он вдруг рассыпался на составные части. Костяные руки наигрывали на рёбрах, как на арфе. Два мосола отстукивали на пустом черепе ритм, будто на барабане. И суставчатые голеностопы выбивали чечётку!

А за спиной хозяина мистер Абракадабр с ловкостью фокусника выдёргивал из своих просторных рукавов холщовые мешки и проворно наполнял их серебряной утварью.

Из челюстей скелета посыпались длинные зубы и затем возникли в пустых глазницах на манер чудовищных ресниц. Потом с нарастающим клацаньем зубы выстроились костяным частоколом от одной ушной раковины до другой наподобие бороды. Кости скелета складывались жуткими орнаментами, которые, перестраиваясь на ходу, со свистом летали вокруг хозяина замка!

И в довершение всего — чёрт знает до чего доводит расстроенное воображение! — позвоночник скелета внезапно вытянулся под потолок этаким бамбуковым стволом, заканчиваясь черепом с двумя скрещёнными костями. А вокруг него загорелась фосфорическая надпись из мелких косточек: «Пожалуйста, не влезать — убьёт!»

Подмигнув пустой глазницей, скелет протянул руку хозяину замка. Как говорится: по рукам? Берёшь меня? Решено?

Но хозяин отрицательно покачал головой.

— Следующий! — провозгласил мистер Абракадабр.

Скелет куда-то исчез. В дверях показался новый призрак — клыкастая старуха со смертоносной косой.

Пользуясь моментом, «скелет» схватил у мистера Абракадабра один из мешков с серебром и выскользнул в открытое окно.

Дьявольская старуха тут же принялась косить всё вокруг: густой ворс на ковре, ножки стола и стульев, высокие канделябры. Из трещин меж каменных плит потянулись причудливые растения, немыслимые цветы — они мягко опадали, срезанные острым стальным лезвием.

Скашивая всё подряд, старуха неумолимо подбиралась к магическому кругу, внутри которого застыл хозяин замка.

И вот, невольно спасаясь от загребущих взмахов косы, он подскочил — вместе с меловым кругом! — над просвистевшим лезвием, с достоинством придержав на голове свой цилиндр.

Повелительным знаком руки он остановил усердствующую старуху. По-солдатски щёлкнув пятками, она застыла по стойке смирно, взяв косой на караул и выжидающе глядя на него.

Он вновь отрицательно покачал головой.

Клыкастая старуха с придушенным тоскливым криком нырнула за его спину к мистеру Абракадабру.

— Ха-ха-ха!!! — влетел третий призрак — огненнобровастый толстяк в кладбищенском саване, так и распираемый весельем.

А «старуха», повторив манёвр своего первого сообщника, исчезла в окне со вторым мешком серебра.

Брызжущий весельем толстяк раздувался как шар, становясь почти невесомым, так что лишь кончики туфель волочились по полу. С треском разрывался саван по швам, являя разнообразные уголовные татуировки на округлых конечностях привидения.

Этот огромный призрачный шар с пухлыми отростками головы, рук и ног, дробно подскакивая, сатанински хохоча и забавляясь, пытался вытолкнуть хозяина из магического круга. А тот, в свой черёд, храбро отталкивал парящую перед ним в воздухе махину.

Заметив у призрака развязавшийся ботиночный шнурок, хозяин замка ухватился за него и стал — сначала медленно, а затем всё быстрей! — раскручивать этот хохочущий шар над своей головой.

Шар с гулом кружил на шнурке вокруг блестящего цилиндра хозяина замка. Казалось, ещё мгновение, и тот вышвырнет это раздутое привидение в открытое окно.

Но тут шар наткнулся на острый конед висящих на стене оленьих рогов и лопнул с таким грохотом, что усатый вельможа на портрете заткнул себе обеими руками уши!

На пол со звоном посыпались голубоватые наколки призрака: кинжал, перевитый змеями, рожа пирата с повязкой через глаз, пышная русалка и разнокалиберные якоря с длинными цепями.

Глядя на эти останки призрака, хозяин замка с приличествующей скорбью обнажил голову, а затем с достоинством снова надел цилиндр.

Тем временем третий сообщник мистера Абракадабра, скрывавшийся под обличьем призрака-толстяка, схватил очередной мешок с серебром и, прихрамывая, выбрался в окно.

Хозяин замка выжидающе посмотрел на дверь. Но больше никто не появлялся.

Тогда он начал-оборачиваться к мистеру Абракадабру. Тот, мигом отпрянув от последнего, не заполненного ещё мешка, подбежал к выходу и выглянул, как бы призывая войти следующий призрак. Затем и сам исчез в коридоре.

Там он торопливо сдёрнул свой парик, сбросил мужскую одежду — и возникла Джейн в лёгком белом платье. Она поспешно подняла с пола коробочку с фосфором.

Вдруг на её плечо опустилась чья-то расплывчатая рука. Джейн обернулась и в ужасе вскрикнула. Позади неё стояло самое настоящее старое-престарое Привидение, его зыбкие контуры колыхались в полумраке.

— Вы тоже призрак? — с ехидной улыбкой спросило Привидение.

Джейн с визгом вбежала в зал.

Хозяин замка, покачиваясь от действия коварного снадобья, радостно воскликнул:

— Подойдёт! Я выбираю её, вот этот очаровательный призрак! — И упал.

Джейн, оглянувшись на Привидение, которое вплывало следом и тянулось к ней зыбкими руками, тоже упала в обморок.

Когда первые лучи солнца мягко осветили окна, Джейн, очнувшись, недоуменно огляделась по сторонам. Она лежала в постели под шёлковым балдахином. А рядом с кроватью стояло старое-престарое Привидение.

— Вы тоже… по объявлению? — во все глаза уставилась на него Джейн.

Привидение возмущённо хмыкнуло.

— Да я тут триста лет живу! Никого не трогаю, никому не мешаю — вот мой принцип! Из-за вас, бессовестных самозванцев, пришлось объявиться!

Робко вошёл хозяин замка, болезненно потирая лоб. Завидев Привидение, он обрадованно вспыхнул, кинулся к нему, простирая руки для объятия, и, пройдя сквозь него, ударился лбом о стену.

— Погодите, — растерянно пробормотал он. — Вчера я видел вроде бы другое…

Он снова потёр лоб и опять восторженно посмотрел, но теперь — на Джейн!

Взглянув на него, Привидение добродушно хихикнуло:

— Доверчивый, как дитя. Но храбрец! Оставайся-ка, милая, с ним. С нами, а?..

— С ним? Да он ненормальный, он же верит в приви…

Опомнившись, Джейн зажала себе рот рукой, глядя на Привидение. Затем перевела взгляд на хозяина замка. Она словно впервые увидела его. Он задорно улыбнулся ей мальчишеской обаятельной улыбкой.

В зале уютно горел камин. Возле огня сидели хозяин замка Генри Смит, Джейн и старое Привидение.

Хозяин попыхивал трубкой. Джейн, улыбаясь, вязала на спицах. А Привидение, горячо размахивая руками, рассказывало удивительные истории. И как бы издалека доносились боевые кличи, ржание коней, бряцание оружия. Обернувшись к ним, дворецкий Уоткинс протирал подсвечник возле буфета, вновь заставленного фамильным серебром.

Внимательно слушал и вельможа на портрете, теребя свой длинный ус.

Оживали витражи на окнах: взвивалось английское знамя над развалинами крепости, по дороге мчалась карета с четвернёй лошадей, а в голубом небе гордо парил орёл.

Старая добрая Англия…

И зал, и сам замок удаляются от нас в вечернем сумраке — уходят в своё время, которое давно миновало. Светится далёкий огонёк в старой башне, стоящей на лесистом холме. В вечернем закатном небе летит четырёхкрылый перепончатый аэроплан…

Всё на свете улетает, уходит в прошлое. Даже сегодняшний день.

ЛЮБИТ, НЕ ЛЮБИТ

Сказка для мам

В одном большом городе жила… необычная Подпись.

Она была сложная, начальственная. Хитро извиваясь, она несколько раз пересекала сама себя и заканчивалась жирным росчерком. Она была похожа на кулак, если всмотреться.

Днём Подпись работала, а по ночам, сладко посапывая, спала на своей белоснежной кровати — чистом листе бумаги с вырезанными фигурными ножками. Дома она была лёгкая, зато на работе весомая. Но об этом — после.

На стене в изголовье кровати висели фотоснимки Подписи в разном возрасте. Вот она маленькая, вот подросла, а вот — совсем взрослая, уже похожая на кулак.

По снимкам было видно, как она изменялась с возрастом: сначала — корявые, но чёткие буквы первоклассника, затем — беглая, но достаточно ясная пропись, потом — она же, ещё вполне различимая, но уже с маленьким хвостиком на конце. Постепенно начертание усложняется, она становится загадочной, совершенно непонятной, пыжась всеми завитушками, поскольку тогда-то Подпись и стала Начальником. Она считала себя неутомимой, вездесущей и незаменимой.

Каждое утро Подпись выходила из подъезда на работу.

Так было и в тот ничем не примечательный день.

Она подошла, гордо откинувшись назад и опираясь на хвостик росчерка, к чёрной машине у тротуара. Важно развалилась на заднем сиденье и махнула шофёру пальчиком: гони!

Машина переехала на другую сторону улицы и остановилась перед внушительным зданием.

Подпись вошла в подъезд, небрежно кивнув на низкий поклон дюжего то ли швейцара, то ли вахтёра в пятнистой маскировочной форме, но с золотыми галунами.

Вверх вела широкая мраморная лестница. А рядом с ней находился персональный эскалатор. Вход на него был закрыт никелированной калиточкой с замком.

Подпись открыла своим ключом замок, и эскалатор вознёс её на второй этаж.

Не торопясь прошествовала Подпись по коридору, высокомерно отвечая на поклоны всех встречных, идущих навстречу, и поперечных, пересекающих ей путь из двери в дверь.

На дверях красовались таблички: «Замглав», «Помглав», «Главзамглав», «Главпомглав», «Перзамглав», «Предглав»…

И наконец появилась самая большая табличка: «Самглав». Это был кабинет Подписи.

Она вошла в огромный кабинет и села за гигантский стол. Нажала кнопку.

Тут же несколько сотрудников внесли большущий лист деловой бумаги, держа его за углы. Они почтительно положили документ на стол.

Подпись встала на кресло, перебралась с него на лист бумаги и стала важно прохаживаться по нему зигзагами, прочитывая строку за строкой.

Затем, недовольно хмыкнув, она взяла пузырёк с чернилами и щедро плеснула их в серебряную штемпельную коробку.

Р-раз! — и Подпись легла внутрь коробки, захлопнув за собой крышку.

Два! — коробка поворочалась.

Три! — разбухшая от чернил Подпись с трудом вылезла из коробки и с размаху гулко ударила по бумаге, оставив грозный оттиск кулака. Полетели брызги, донеслось эхо грома!

Сотрудники всё так же почтительно унесли лист.

Подпись устало опустилась в кресло. Она никак не могла отдышаться.

Но, как известно, «покой нам только снится». Ещё несколько раз приносили деловые бумаги и уносили с запрещающим оттиском кулака.

И вот в очередной раз Подпись, неимоверно разгневавшись, хватила по бумаге, с такой силой, что совершенно изменилась сама, превратившись в какой-то запутанный клубок из прыгающих букв.

Из клубка торчал кончик росчерка, и Подпись со стоном и писком дёргала им, как щенок прищемлённым хвостом.

Забегали сотрудники. Затрещали телефоны!

С волчьим воем подлетела к зданию машина «скорой помощи».

Проворные санитары унесли Подпись на носилках.

В операционной было страшно. Аппараты дыхания и кровообращения, огоньки хитрых приборов, хирургические инструменты, врачи в стерильных масках!

Долго колдовали медики над Подписью, придирчиво сличая клубок букв и линий с последним фотоснимком важной персоны, и старались вернуть ей первоначальный вид.

Её просвечивали рентгеном, подключали к сложной аппаратуре, накачивали кислородом, ставили капельницы, резали, сшивали, засовывали в барокамеру. Пытались и растянуть Подпись, как резиновую, но она упрямо принимала форму клубка, в котором по-прежнему мельтешили испуганные буквы.

Положение безвыходное. Теперь годились любые, даже самые невероятные, рискованные средства. Терять было нечего!

Кто-то из физиотерапевтов срочно вызвал боксёра-тяжеловеса. Вдруг Подпись устрашится двух его грозных кулаков и сама машинально сожмётся в кулак?..

Бесполезно. Боксёр навешивал ей полновесные удары, слева и справа. Но Подпись никак не могла собраться с силами. Она лишь подпрыгивала, словно мячик, на операционном столе и о чём-то невнятно вопила, что знающий логопед перевёл как: «Наших бьют!»

Осталось последнее средство. Седой главный врач, почётный академик всех медицинских академий, в прошлом простой молотобоец, размахнулся здоровенной кувалдой и так ахнул по клубку неизлечимой Подписи, что враз рассыпался операционный стол и где-то внизу, на первом этаже, упал куривший возле урны санитар. А клубок Подписи, вновь подпрыгнув, вдруг вылетел в открытую форточку.

Он плыл над полями, садами, рощами. Его обрызгал летний дождь и побил случайный град.

Он и в лужу плюхался, и по булыжной дороге катился. Какой-то задорный телёнок боднул его прорезавшимися рожками. А беззаботный мальчишка послал загадочный клубок пинком вдаль.

Подпись приземлилась на просторном лугу. Она вновь стала той же самой, прежней. Такие полёты и потрясения не проходят бесследно!

Но теперь Подпись была какая-то чумазая, в пыли, а на боку прилепилась травинка.

Жарко светило солнце. Подпись, не задумываясь, сорвала шляпку гриба и нахлобучила на себя.

Она шла и озиралась по сторонам. Здесь всё было ново для неё и в то же время веяло чем-то давно забытым.

Подпись остановилась возле ромашки и невольно стала обрывать её лепестки, бормоча: «Любит, не любит…»

Она вдруг вспомнила, что есть на свете цветы, привольный луг, лес вдали и солнце в небе. И тем не менее всё вокруг — так она видела — было серым, блёклым и черно-белым.

В первый миг ей, конечно, захотелось поставить на чём-нибудь — ну, хотя бы на ромашке — грозный оттиск своего кулака. Но последний лепесток взмыл вверх с обидной надписью: «Не любит!» Прямо так на нём и было написано от руки, а не отпечатано на машинке. Даже странно!..

Постепенно всё вокруг начало окрашиваться весёлыми, радужными тонами. Зазеленела трава. Цветы становились красными, голубыми, фиолетовыми. Над лугом повисла разноцветная радуга.

Подпись расслабилась, но, встряхнувшись от наваждения, опять приняла облик кулака. На него села бабочка. Подпись медленно разжала пальцы и застенчиво улыбнулась. Благо никто не видел.

Однако жизнь не стоит на месте. Она продолжается.

В тот же самый день Подпись, снова оказавшись в своём кабинете, грозно замахнулась кулаком на очередную деловую бумагу и неожиданно плавно опустилась на неё.

Что это?.. Вместо оттиска кулака с немыслимыми завитушками — луговая ромашка с разлетевшимися по всему листу брызгами: нежными лепестками.

Конечно, такое бывает. Но очень редко.

ЖИЛ-БЫЛ ДОМ

Сказка для пап

Жил-был дом в городе Москве. Семиэтажный, облицованный белой плиткой, в стиле «модерн» начала XX века — всё ещё крепкий, красивый, удачный дом. И место у него было удачное: в центре, рядом с Зоопарком, напротив детского кинотеатра. Но в один ужасный день дом погиб: под ним прокладывали линию метро, он вдруг дал трещины — и его снесли. Теперь здесь зелёная лужайка перед станцией «Баррикадная».

Какой-то молодой человек, по фамилии Скворцов, проходил с приятелем мимо станции и

вспомнил про этот дом.

— Какое тут было красивое здание! — сказал Скворцов приятелю. — Жалко — снесли…

Так он мимоходом пожалел беднягу.

Однако мы живём не только среди людей, но и среди домов. Новость о том, что какой-то Скворцов пожалел их собрата, быстро распространилась от одного здания к другому. Даже высотные башни узнали об этом!

«Что бы сделать такое приятное Скворцову?» — задумались лучшие дома, которые дружили домами. И решили дать ему хорошую квартиру в новом микрорайоне столицы.

Дело в том, что Скворцов безуспешно стоял в очереди на квартиру в райисполкоме. Надежда на получение жилья у него была, прямо сказать, ничтожная. Он пока не женат, молод, надо ждать долго… Но старый дом райисполкома постарался ему помочь. Когда решался вопрос о квартирах, пол в кабинете дрогнул и ответственный работник, склонившийся над списком очередников, невольно поставил нужную галочку против фамилии Скворцова.

Так Скворцов — один — получил принципиальное разрешение на трёхкомнатную квартиру!

Все московские дома радовались за Скворцова. Путём всяких необходимых толчков под руку разных солидных лиц квартиру ему выбили в отличном районе, рядом с метро. Все комнату были квадратные и изолированные, просторный холл, паркетные полы, финская сантехника, радиотелефон, а окна глядели исключительно на юг.

Этот кирпичный красавец был построен для дипломатов, живших пока за границей в трудных условиях.

Скворцов был неописуемо счастлив!

Все друзья и товарищи ему завидовали и не понимали, почему судьба к нему столь благосклонна. Он и сам не понимал, но, как говорится, дарёному коню в зубы не смотрят.

Завистники засыпали разные инстанции строгими заявлениями, негодуя на счастливца Скворцова, который ни за что ни про что получил такую квартирищу.

И как вы понимаете, дома, где эти инстанции размещались, продолжали ему помогать по-прежнему, и резолюции на заявлениях выходили самые благожелательные для Скворцова. Вместо строгого распоряжения «проверить» получалось ласковое «верить», вместо «отставить» — «оставить», вместо грозного «выселить» — доброе «вселить» или даже совсем странное «веселить»!..

Однажды Скворцов вновь проходил, на сей раз со своим начальником, мимо той же станции «Баррикадная». И начальник сказал:

— Помнишь, тут когда-то дом стоял? Правильно сделали, что снесли!

— Правильно, — поддакнул Скворцов.

В тот же день у его начальника в квартире рассохлись все двери и потекли все краны.

А у Скворцова квартиру отобрали.

Мало того, он схлопотал тогда выговор с занесением в личное дело за то, что получил её «обманом». Произошла, мол, такая явная, вопиющая ошибка, а он промолчал в корыстных целях.

С тех пор Скворцов по-прежнему стоит в очереди на квартиру, теперь — для малообеспеченных. А ведь у него и жена давно появилась, и дети. И ждать ему придётся — долго.

Правда, друзья и товарищи стали к папе Скворцову относиться лучше.

ЧЁРНЫЙ КАЙЗЕР

Сказка для дедушек

Два года моего детства прошли после войны в Германии, где служил отец. Была у меня там игрушка, вернее, статуэтка насупленного всадника с мечом на боку, в шлеме и латах. Он был с усами. Наверное, кайзер. Я с ним играл.

На старинном буфете шла изгибом широкая доска, над ней нависала горка с посудой. Я прятал всадника в тёмных нишах буфета, за округлыми краями доски, у стены, то слева, то справа. Он как-то сливался с темнотой в этих нишах, куда не проникал свет, — ведь он вместе с конём был вырезан из чёрной тяжёлой кости. До сих пор не знаю, бывает ли чёрная кость? Может, как-то окрашивают белую. Но он был чёрный, честное слово, и из кости!

Кайзер был очень недоволен такой игрой, он замыкался в надменной холодности, и мне казалось, что я вижу, как смотрят из темноты его холодные глаза. Ни осуждения, ни злости, ни возмущения — просто холодное отчуждение. Он и на ощупь-то был холодный.

Единственное человеческое чувство исходило от него — ему не нравилось со мной играть. Клянусь!

Сразу видно, хотя он даже и это скрывал. Он замкнулся в себе, в своих латах и, по-моему, нацелился на вечность, как памятник. Вот-вот, ему хотелось быть большим, стоять где-нибудь на площади, смотреть свысока на всех — а он всегда смотрел на меня свысока, хоть и был маленький, — и чтоб никто не смел даже и подумать играть с ним. Кто ж посмеет играть с памятником?

Но я не давал ему покоя. Предвкушая жаркие схватки, я выставлял против него рыцарей из саксонского фарфора с разноцветными хрупкими перьями на шлемах, с горящими глазами лошадей за дырками лобовой брони.

Встряхивая цветной упряжью и выставив вперёд белые копья, со щитами в замысловатых гербах, звеня сбруей и цокая подковами, мчались они за угол буфета, где скрывался чёрный кайзер. И столько праздничного было в их неподвижном движении! Они были живые и, наверно, поэтому часто ломали в схватках свои копья, теряли руки и ноги, и даже голову вместе с ликующим шлемом.

И их лошади тоже были не бессмертные, они даже без своего пышного хвоста, даже на трёх ногах рвались в бой.

Я уже говорил, что у чёрного кайзера был меч. Причём, как настоящий — стальной, острый. Он вынимался из ножен — таков был секрет чёрного всадника. Мои родители и не подозревали о том, что меч можно вынуть.

Так что кайзер вполне мог постоять за себя в схватке с легкомысленными праздничными рыцарями.

Хозяйкой виллы, где мы жили, была фрау Гелька, которую мы все звали Фрагелька, — вдова армейского полковника. Она всегда втягивала губы в рот и в немом раздражении мяла их

там, когда видела мои игры. Игры победителя с побеждёнными.

И странно, казалось, не плачевная судьба фарфоровых рыцарей волновала её, хотя, конечно же, волновала. Она каждый раз с беспокойством как бы проверяла, по-прежнему ли стоек в своей костяной незыблемости чёрный кайзер, не сдался ли и он. Такие у неё были глаза, когда я брал его, холодно-обтекаемого со всех сторон.

Я увёз в Россию всех: и пострадавших в боях фарфоровых рыцарей, и надмирного чёрного кайзера. Он очень не хотел уезжать. Я впервые увидел, как он волнуется. Он всё время пытался потеряться, но я его находил. Он вываливался из коробки, в которую я его клал, и сердито топорщил усы.

Дома, на моей родине, в Кашире, фарфоровые искалеченные рыцари по-прежнему с пламенным восторгом сражались на своих турнирах, а чёрный кайзер сразу потускнел, посерел, от его надменности не осталось и следа, а если он и важничал по привычке, то это чувствовалось.

Бедный, растерянный, заблудившийся вдали от дома чёрный всадник… Он был похож на конную статую, снятую с постамента. Я его жалел.

Ему было неудобно в полуподвальной тесной комнате, где мы теперь жили, и он нелепо выглядел на резной фанерной этажерке. Ему не хватало высокой просторной гостиной с мерцающими стеклянными поленьями в пещере электрокамина, тяжёлых дубовых готических шкафов с книгами в кожаных переплётах — все картинки в них про разные войны. Он тосковал по буфету, напоминающему замок своими стрельчатыми оконцами и башенками, тосковал по блестящему паркету, хрустальной люстре и узорным тарелкам на стенах, обшитых дубовыми панелями. И поначалу ему, наверное, снилась уютная улочка за большим окном виллы — Линденштрассе, что означало — Липовая аллея.

Да, мне было жалко его. И он это стал понимать. Он всё время подвёртывался мне под руку, как собачка, которой хочется, чтобы её погладили. Но, заметьте, как чужая собака. Она потеряла родного хозяина и вынуждена жить с другим, она виляет хвостом, но в глазах — тоска.

И я его наконец понял. Вся его прежняя неприступность и надмирность была ложью: под латами, холодными глазами и колючим разлётом усов скрывался обыкновенный бюргер, обыватель, уставший от подвигов серенький человечек, мечтающий о тихих вечерах у фальшивого камина, в мягких шлёпанцах, в халате и фланелевом белье, с кружечкой пива в руке. А кружка та — непременно с крышечкой, чтобы пиво не выдыхалось, потому что пить ту кружку он будет долго.

И я сразу потерял к нему интерес. Я поставил его рядом с деревянным толстячком, тоже немецким: он в шляпе, в плотном пальто, с сигарой в зубах, щёки лежат на воротнике, в руках два непустых чемодана. Он идёт на вокзал и экономит на носильщике. Он хочет казаться богатым, но он не богат.

Эта фигурка тоже была с секретом. Нет-нет, чемоданы у него не отсоединялись, он не хотел их отдавать. И не открывались, он не желал показывать, что там, внутри. И шляпа никак не снималась. Зато вдруг легко вынималась у него сигара изо рта, так же, как и меч из ножен у чёрного всадника.

И теперь господинчик с чемоданами и чёрный кайзер целыми днями вели разговор о том, как придут на вокзал — кайзер, по-моему, готов был даже расстаться с лошадью — и уедут в Германию, где на каждой станции бравые железнодорожные начальники зычно кричат: «Абфарен!» — «Отправление!» И они вдвоём — кайзер, правда, относился к своему вынужденному соседу с высокомерием — сердито косились на весёлых фарфоровых

рыцарей, забывших о том, что «Дойчланд юбер аллее!» — «Германия превыше всего!»

А может быть, те рыцари изображали французов? Я в гербах на щитах не разбирался и не разбираюсь.

Неистовые рыцари в конце концов разбились.

Кайзера украла хозяйка, у которой мы снимали комнату в полуподвале, и кому-то подарила.

А толстый господин с чемоданами попросту исчез. Вероятно, он всё-таки уехал. Уж очень он решительно шагал на вокзал, с самого своего дня рождения.

Но чёрный кайзер — штучка посложнее. Возможно, стоит он у кого-то на кружевной салфетке впереди разнокалиберных мраморных слоников и, наверно, думает о том, что покоряет Индию и латы снимать ещё рановато. А сам втайне мечтает о тихих вечерах у своего камина.

Разве он не завоевал себе такую счастливую жизнь?!

ДРАЧУН

Бабушкина сказка

В некотором царстве, в некотором государстве правил Царь-Король.

Был он старичок вздорный и воинственный. Сызмальства любил он играть с солдатиками и пушечками, заряжёнными горохом.

Под старость он вновь впал в детство, хотя теперь играл в войну с настоящими солдатами и пушками. Потратит весь порох, объявит перемирие, и домой.

Поднакопит пороху — и вновь на войну. Только и забот!

Когда же у Царя-Короля чугунные ядра кончались, он приказывал головами сыра палить. Враз неприятель разбегался, уж очень запах у царского сыра был сердитый.

Однажды молодой отважный Солдат спас Царю-Королю жизнь в бою. Зря, наверное. Но он не мог смотреть, как напали трое на одного. Трое чужих воинов на Царя-Короля.

— Лежачего не бьют! — поспешно лёг на землю самодержец.

Ну, Солдат и не выдержал, отстоял лежачего.

За подвиг Царь-Король наградил Солдата аж шестидневным отпуском домой.

— Не сумею в срок обернуться, — беспокоился Солдат. — Не успею свою невесту-рыбачку повидать.

Далеко ему надо было идти, на самый конец царства.

— За такую речь голову с плеч! — рассердился на него Царь-Король. — Знать ничего не знаю, не ведаю. Уходи с моих царских глаз долой, а не то передумаю!

Ушёл Солдат в путь-дорогу.

В прошлом он был деревенским кузнецом и отличался необычайной силой. А за спокойный, мирный нрав дразнили его Драчуном.

По пути домой не один забияка приставал к нему помериться силою: и ярмарочные силачи, и коварные разбойники, и спесивые дворяне.

Всех одолел Солдат, хотя* и не желал ни с кем связываться. Он даже всякие унижения от разных нахалов терпел, лишь бы не драться. Знал свою силу!.. Сам-то ни за что в драку не лез, надобно было его разозлить как следует — ух! Или если уж явную несправедливость видел: слабого, бедного обижают — тогда связывался.

Чего только не испытал Солдат за время своего отпуска! Какие только призы в невольных схватках не заполучил!

От ярмарочных силачей ему досталась шапка-невидимка.

От разбойников — сапоги-скороходы.

От закованного в белую сталь рыцаря — лютая сабля. Пушечное ядро на лету рассекает, как арбуз!

Попал однажды Солдат в заколдованный замок-дворец. Там Принцесса-змея жила. Это злой Чародей превратил её в змею. А сам гулял, бражничал с тёмной свитою в том потаённом замке-дворце. И строил умные планы, как всю страну к рукам загребущим прибрать.

Вступил Солдат в борьбу с нечистой силою и своею силой одержал победу. Ясно, что ему и шапка-невидимка помогла, и сапоги-скороходы, и сабля лютая. Не без этого. Со злым Чародеем и его тёмной свитою сладь попробуй руками голыми, хоть ты и сильный силач!..

Дальше пошёл Солдат. И всё больше видит: нищета и беда кругом. Отнимают у бедных людей последнее царские прислужники.

Понял Солдат, что, кроме нечистой силы, есть и другая опасная сила: сам Царь-Король самодур со своими генералами да вельможами. Нет, зря он его тогда спас. Поднял Солдат простых людей против Царя-Короля. И вновь победил!

Не зазнался он. Все соблазны-искушения выдержал. Не променял свободу на власть и богатство. Не отказался и от своей невесты-рыбачки, что осталась ждать в родных краях, ради неописуемой красы спасённой Принцессы.

Вернулся домой наконец. Милей всего для него — работа в деревенской кузнице, без неё невозможен добрый труд пахаря.

Женился Солдат на той молодой рыбачке.

Двенадцать детей у них народилось, двенадцать драчунов-мальчишек.

Как говорят: «Дерись с трудом, а женись с умом».

Они, сыновья, мал мала меньше, отцу в кузне помогают.

А если что случись, Солдат-Кузнец знает: можно и лемеха плутов на острые сабли перековать.

Эту сказку рассказала мне давным-давно моя бабушка. Такой её и запомнил — сказку эту.

СТОЛИК С ПОЗОЛОТОЙ

Вечером в дом привезли лакированный, с позолотой Столик. Несли его бережно, как тонкое стекло, он был дорогой и красивый.

Коту Ваське, который на правах старожила вышел встречать покупку, тут же грубо сказали:

— Брысь! Не мешайся!

Вот какое важное значение придавали хозяева этому Столику, если так отнеслись к своему любимцу коту.

Столик поставили в центре гостиной. Он упёрся своими точёными изогнутыми ножками в коврик и огляделся по сторонам.

«Какая кругом безвкусная старая мебель! — подумал он. — И придётся здесь прозябать. Да тут и поговорить-то, видимо, не с кем».

И Столик, слегка затуманившись, принял томный вид, который, как он считал, ему очень идёт.

Когда наступила ночь, все вещи в комнате зашептались между собой:

— Какой изящный Столик!.. Какие у него красивые изогнутые ноги!.. Как он блестит и переливается в лунном свете!.. А сколько он, наверно, знает интересного!

Каждую ночь вещи рассказывали друг другу всякие истории, которые случились с ними, или на их глазах, или когда-то были услышаны.

Робко глянув на сверкающий в лунном свете Столик, пузатый старый Кувшин, стоящий на буфете, звонко кашлянул и начал:

— А знаете, что я видел, когда был на даче? У наших соседей была курица-пеструшка. Она считала себя раскрасавицей и только и делала, что смотрелась в лужи, любуясь собой и прихорашивая перышки. Я это видел с подоконника, где обычно стоял. Но она, между прочим, забывала нести яйца и поэтому попала в суп! — Кувшин очень любил поучительные истории.

— Да-а, да-а, — глубокомысленно закряхтели все.

А Столик презрительно хмыкнул.

Хрустальная Чернильница строго посмотрела на него. Все признавали её даже умнее глубокого Кувшина — ведь люди извлекают из неё так много мыслей. Да и сама Чернильница так считала.

— Это что! Знаете историю про курицу с золотыми яйцами? — спросила она.

— Нет, нет! — запрыгал в углу скрипучий детский Стульчик.

Чернильница неодобрительно взглянула и на него и продолжила:

— Так вот. Жила-была курица, и несла она золотые яйца. А неграмотная хозяйка ругала её и сажала на них высиживать птенцов. Но птенцов нет и нет! И по вине глупой, необразованной хозяйки эта курица тоже попала в суп. С тех пор курицы не несут золотых яиц, — сверкнув своими гранями, закончила Чернильница.

— Все курицы рано или поздно попадают в суп, — изрёк мудрый кот Васька. Он по ночам любил лежать на диване и слушать, о чём беседуют вещи.

Из-за толстой ножки Буфета высунулся чайный Стакан. Был он с трещиной, и друзья скрывали его от хозяев, чтобы не выбросили.

— Я тоже знаю историю, — надтреснуто зазвенел Стакан. — Шли два барана через речку по узкому мостику навстречу друг другу…

Тут он умолк и задумался, у него из-за этой трещины бывали приступы забывчивости.

— А дальше? А дальше? — вновь запрыгал в углу детский Стульчик.

— А дальше… — сказал Стакан. — Я лучше расскажу вам другую любопытную историю. Однажды на озере — я сам был когда-то озёрным песком — лягушата увидели у берега красивую птицу на длинных ногах. Они радостно поскакали к ней и закричали: «Ах, какая птица! Надо рассмотреть её поближе!» Птица оказалась цаплей и проглотила их. Вот к чему приводит дурацкое любопытство!

И Стакан укоризненно поглядел на детский Стульчик. Тот со стыда спрятался в тёмном углу.

— Да, ты не докончил историю про баранов, — тихим басом напомнил старомодный Буфет. — Я тоже знаю её.

— Расскажи вместо меня. Я уже устал, — хрипло отозвался Стакан.

Буфет расправил хрустнувшие плечи.

— Так, значит, шли два барана навстречу друг другу по узкому мостику. Никак разминуться нельзя! Что делать? Один из них вдруг вернулся назад и уступил дорогу. И всё потому, что, хотя они и бараны, но читали о тех упрямцах, которые в конце концов свалились в реку и утонули.

— Замечательно, — проскрипел книжный Шкаф. — Я всегда говорил, что от чтения только польза, только польза.

— Меня начали грызть мыши, — внезапно ни с того ни с сего пожаловался коту письменный Стол. — У меня в нижнем ящике лежит свечка.

Васька важно расправил усы:

— Я им ещё покажу-у!.. Я рассказывал вам про глупого мышонка? Нет? Ну вот, жил мышонок. Узнав, что кот — заклятый враг мышей, он коварно напал на него сзади и — р-раз — крепко схватил за хвост. «Что, попался! Теперь от меня не уйдёшь!» — вскричал он. Больше он вообще ничего не сказал!

— Сегодня кот в ударе, — сплетничала Пепельница со своими Окурками, — то есть в угаре, — поправилась она.

— А знаете, у Столика очень модный цвет, — неожиданно заявил Коврик-подхалим. — И он такой лёгкий!

Как помните, Столик стоял на Коврике, попирая его всеми четырьмя ногами.

— Много ты понимаешь в моде! — подмигнула настольная Лампа. — Один олень услышал, что модно ходить без рогов. И избавился от них. А после этого от него ушла олениха к другому, с рогами. Вот к чему приводит погоня за модой!

— Конечно, конечно, — прошелестели Шторы. — Нам в коммерческом магазине как-то рассказывала одна медвежья шкура о своей жизни, когда она была медведем. Он тоже

решил всех удивить. И стал спать летом, а гулять зимой. Сами понимаете, что из этого вышло.

— Собаки — тоже модницы, — заявил кот Васька. — Стригутся, попонки носят! И вообще зачем только существуют на свете собаки?

— Ты бы лучше спросил, зачем существуют коты! — задребезжал аптечный Шкафчик. — Кто это вчера ночью напился валерьянки, а потом очумело носился по комнате?

— Да-да, — прозвенел за стеклом Пузырёк валерьянки. — Всего на донышке оставил. Если я буду совсем пустой, меня выкинут на помойку!

Кот насупился, поджал хвост и виновато сказал, что он выпил совсем чуть-чуть, да и то в последний раз.

— Знаем мы эти последние!.. — негодовал аптечный Шкафчик. — Хотел я промолчать, но не выдержал, когда ты прошёлся по собакам. Уж они-то, во всяком случае, валерьянку не пьют! Да-с, — подытожил он серьезным врачебным тоном. — Она действует на мозг, сердце и мышечную полость живота.

— Мышечную? — растерялся кот Васька.

— Мышечную, — не поняв его, подтвердил Шкафчик. — На то я и аптечный, чтобы знать. Точно, как в аптеке!

Из утла появился забытый Веник, вежливо расшаркался и добродушно заявил, что если кот Васька не прекратит творить безобразия, то он, Веник, вычистит всю пыль вместе с блохами из его боков.

Кот решил замять этот разговор и поспешно перевёл его на другую тему:

— А знаете, почему у бульдогов нет хвостов?

— Ты нам зубы не заговаривай, не увиливай! — зашумели было все, но умолкли. Ведь и вправду интересно узнать: почему бульдоги — бесхвостые.

— Все вы знаете, что бульдоги очень похожи на людей, особенно белые бульдоги. И шерсть у них гладкая и короткая, будто совсем нет, и морды квадратные, и лбы нахмуренные.

— Вылитый портрет нашего хозяина, — шепнул Кувшин маленькой Вазочке, стоявшей рядом.

Она захихикала.

— Кончайте свои шурры-мурры! — прикрикнул кот Васька, приободрённый общим вниманием.

— Тсс, — зашикали все.

— Бульдоги до того зазнались, — продолжал кот, — что на всех собак — да что там собак! — на всех крупных домашних и не домашних животных стали гордо смотреть свысока, хотя и снизу. Одно им только мешало походить на человека — хвост. Так они считали. У человека ведь нет хвоста. Во всяком случае, я его не видел.

— Это спорный вопрос, — буркнул кто-то.

Но кот пропустил это замечание мимо ушей.

— Вот и отрубили себе бульдоги хвосты. И теперь они и не люди, и не собаки. Собаки не считают их за собак, а люди — за людей. Теперь они так, серединка на половинку.

— И коты бывают глупые, — неожиданно подал голос детский Стульчик.

Наступила удивлённая тишина — даже сам кот оторопел, — и осмелевший Стульчик выступил вперёд. Когда-то ещё совсем юный Васька точил о его ноги свои когти, и Стульчик, по-видимому, не забыл обиду.

— Один избалованный кот, — повысил свой голосок детский Стульчик, — не помню имя, кажется, Василий или ещё какое-то, — жил у одинокой старушки. Вообще все коты — избалованные. Ну, а этот был ого какой! Он ел только рыбу, а пил только молоко!

— Не про меня. — Облегчённо вздохнул кот Васька. — Такого у нас не дождёшься!

— До того обленился кот, — улыбнулся детский Стульчик, — что совсем не ловил мышей. Их ему ловила бабушка по ночам и подавала поджаренными на сливочном масле. Но однажды она куда-то уехала, а этого, как его, пусть Ваську, оставила племяннице. Ата считала, что коты обязательно должны ловить мышей. Но кот день и ночь лежал на диване и орал от голода. А кругом по ночам бегали большие и маленькие вкусные мыши. Так он и загнулся с голоду. По-моему, его всё-таки звали Васька.

Кот Васька взвыл, спрыгнул на пол и выпустил когти. Плохо бы пришлось детскому Стульчику. Но тут позолоченный Столик вдруг изящно скрипнул и сказал певучим голосом:

— Че-пу-ха-а! Всё, что вы рассказывали, — ерунда. А вот я вам расскажу…

Стало так тихо, что было громко слышно, как поёт сверчок за стеной в другой квартире.

Столик думал, думал, потрескивая, но ничего не придумал. Да и вспомнить он ничего не мог, потому что ничего не знал. Он только что приехал с фабрики. И даже когда он ехал наверху, в кузове машины, то ничего не увидел по пути, так как слишком заботился о своём глянце и своей позолоте.

Разъярённый кот Васька бросился на Столик и, не думая о последствиях, нещадно исцарапал ему весь его лак с позолотой. Как говорится, навёл глянец!

Лишь одно хорошее сделал Столик — спас детский Стульчик от кошачьей расправы. Да и то невольно.

— А ноги-то у него вовсе и не изогнутые, а кривые, — вдруг заметил чайный Стакан.

УПРЯМЫЕ КАЛЕНДАРИ

Жили-поживали Настенный отрывной календарь и Настольный перекидной календарь.

Понятно, что один висел на стене, другой лежал на столе. И уже только из-за этого между ними, соперниками, по ночам возникала нешуточная перепалка.

— Кто важнее? — унижал Настенный календарь своего Настольного собрата. — Конечно же, я! Недаром для меня выбрали самое видное высокое место!

— Нет, я важнее! — упорствовал календарь Настольный. — Мне выделили самое выгодное место, такое, чтобы я всё время был под рукой!

— Когда люди просыпаются, — упорствовал Настенный, — они первым делом на меня смотрят. Иначе они бы не знали, какой сегодня день!

— Сначала отрывают листок, а потом уже смотрят, — уточнил соперник. — Зато ты не можешь, как я, показывать сразу всю неделю!

— А кому это нужно? Так можно в днях запутаться. А у меня оторвут листок и сразу увидят, какое число и какой день недели! Понял, неуч?

С Настенным календарём было трудно спорить. Каждый день он сообщал что-то новое. Взять хотя бы те же праздники. Настольный всего лишь отмечал красным цветом числа, а Настенный, кроме того, ещё и кратко рассказывал, что это за праздники, почему они возникли и даже о том, как их отмечают в разных странах.

Но это далеко не всё, о чём мог поведать толстый Настенный календарь. На обороте каждого листка у него были припасены для любознательных то сказки, то стихи, то всевозможные полезные советы.

Он знал всё на свете, вплоть до того, как хранить лыжи летом, как правильно соблюдать режим дня, как солить капусту, как искать брод на незнакомой реке, как вялить рыбу, как морить тараканов, как бороться с молью, как приготовить молочный суп, как заклеивать зимой оконные рамы…

Настенный календарь так и сыпал народными пословицами и изречениями древних и не древних мудрецов:

— Дружно за мир стоять — войне не бывать. «Большая сила — мнение народное» — Эсхил. «Не греет солнце на чужбине» — Шевченко. «На свете нет малых народов» — Гюго. «Люди перестают мыслить, когда перестают читать» — Дидро. Понял? А вот меня люди каждый день читают! — хвалился Настенный календарь и продолжал: — «…Полное невежество приводит к полному отупению…» — Гельвеций. Это про тебя говорится, — язвил он.

Нередко он задавал Настольному календарю такие вопросы, которые поставили бы в тупик даже образованного человека, а не то что какой-то Настольный календарь, тем более перекидной.

— А ты знаешь, какой самый красивый водопад в Армении?.. Шакинский! Чему равняется год планеты Юпитер?.. Он равен двенадцати земным годам, а сутки там — очень короткие, всего десять часов!.. Сколько времени можно держать форточку открытой в холодную погоду?.. Десять-пятнадцать минут! Кто автор книги «Сказки о Хоме»?… Альберт Иванов! То-то!

Воистину познания его были безграничны. Он знал даже то, что сусликов лучше всего ловить капканами № 0 и № 1.

Эти «суслики» вконец замучили Настольный календарь. Ему не раз снились капканы № 0 и особенно № 1, хотя он и не знал, как они в точности выглядят. Но снились они — страшными!..

Однако и у Настольного календаря было что ответить своему сопернику:

— Вот у тебя листки грубо отрывают, один за одним, а у меня бережно переворачивают всю страницу, когда очередная неделя заканчивается! И вообще, глянь на себя: ты с каждым днем становишься тоньше и тоньше…

— Работаю на износ, — ворчал Настенный календарь. Эта проблема тоже стала его беспокоить в последнее время.

— Можно легко вычислить, когда ты совсем исчезнешь! — неумолимо продолжал Настольный календарь.

— Ну и пусть исчезну! Зато войду в века!

А Настольный продолжал насмехаться:

— Ты опять стал тоньше. Что с тобой? Может, ты худеешь с испугу? А глянь на меня — я всё такой же!

И зачастую злорадно упрекал:

— Не спорю, ты много знаешь. Вернее, знал. С каждым прошедшим днем ты знаешь меньше и меньше. Но, главное, даже в твои лучшие дни ты совершенно не знал жизни. А вот я всегда в гуще событий. У меня каждый день расписан по часам: кому позвонить, о чём поговорить, когда и с кем встретиться, куда поехать, что надо сделать. Ну, куда тебе со мной равняться!

Так прошёл год. У Настенного календаря остался последний листок — 31 декабря.

В доме царила предновогодняя весёлая суматоха, а Настенный календарь тоскливо думал: «Почти ничего от меня не осталось. Кончаюсь… Неужели Настольный календарь был прав? Вон он лежит на столе — весь целёхонький!..»

А Настольный календарь с удовлетворением размышлял: «Итак, подведём итоги года. Я всё-таки оказался и умнее, и нужнее. Жаль, конечно, соперника. Но что поделаешь? Такова жизнь!»

Последний листок Настенного календаря продержался до следующего дня.

Его увидели, раздались голоса:

— Глядите! Последний листок остался! Старый год заглядывает к нам из прошлого!.. А ведь признайтесь, неплохой был год, хоть в нём и плохое случалось!

Листок сорвали и выбросили.

Но и Настольный календарь в тот же день куда-то выкинули. Напрасно он бахвалился.

И вообще зря они, календари, спорили. Оба они недаром прожили свою жизнь вместе с ушедшим годом. И прожили её, как признались сами люди, неплохо.

САПОГИ

Это случилось вскоре после войны где-то в далекой Германии. В тёмном подвале большого полуразрушенного дома лежала куча старой обуви. Днём здесь было спокойно и тихо, ночью — оживлённо и шумно. Обувь любила размять подошвы, когда в узенькое оконце заглядывала круглая от любопытства луна.

По любому пустяку в подвале разгорались жаркие споры. Они нередко заканчивались потасовкой. А в свалке даже могли ненароком и растоптать. Все убеждённо стояли на своём. Левые ботинки, туфли, боты, тапочки придерживались, как они считали, левых взглядов, а правые — правых. Как это?.. Ну, левые смотрели налево, правые — направо. А одна

беспарная крестьянская растоптанная Галоша гордо заявляла:

— Меня надевали на разные ноги: левые, правые. Мне всё равно за кого!

Только лишь оба дырявых Брезентовых Сапога были во всём согласны между собой. Ведь два сапога — пара! И ни в какие драки они не вмешивались, хотя и были покрепче всех. Вероятно оттого, что всю жизнь проработали на стройке. А там, как известно, слабых не держат.

Самые ожесточённые стычки начались, когда в подвале появилась поношенная пара Хромовых Сапог.

Произошло это так… В тот вечер обувь, как всегда, громко спорила.

— Резина — лучше всего! — надрывалась резиновая обувь. В этом были единодушны все резиновые: левые и правые.

— То ли дело кожа, особенно свиная! — опровергала их правая Туфля из свиной кожи. — Не спорьте с дамой. Свинья — это свинья!

— Особенно английская! — вторила её левая напарница и восклицала: — Ш-шикарное животное! С ног до головы покрыто кожей. Хотите — верьте, хотите — нет!

— Это давно не модно! — запрыгала левая Сафьяновая Тапочка.

— Правильно! — зашелестела правая. — А вот мы зато из сафь-я-на! Так что помалкивайте!

Свиные Туфли не выдержали и накинулись на Сафьяновые Тапочки. Вмешались нервные болельщики, и опять началась потасовка.

— Отста-а-вить! Прекра-а-тить! — вдруг раздался чей-то скрипучий незнакомый голос. — Что за драка без разрешения!

Все затихли и с удивлением увидели у порога неизвестные Хромовые Сапоги. Правый стоял, вытянувшись по стойке смирно, а левый грозно притоптывал дырявым носком.

— Кто такие?.. — пронёсся шёпот.

— Они к нам, наверно, днём попали, поэтому мы их сразу и не заметили, — громко догадались Парусиновые Тапочки, всеподвально известные сплетницы.

— О чём звон? — удивлённо поцокал языком тусклый медный Звонок, случайно попавший в компанию обуви.

— Заткнись, инородец! — грозно прошипели Лыжные Ботинки-спортсмены. — Медяшка! Трепач! Что ни расскажи, потом растрезвонит по всему дому!

— Родина снова воспрянет! — после долгой паузы опять выкрикнули Хромовые Сапоги. — Мы отомстим!

Все затаили дыхание. А у здоровенных рваных башмаков из кожезаменителя от изумления отвисли, как челюсти, наполовину оторванные подошвы.

— Армия — превыше всего! — прокричали Хромовые Сапоги. — Вся мировая история — это история войн!

И молодцевато щёлкнули каблуками.

— Ах вон оно что… — насмешливо протянули Брезентовые Сапоги.

— Где служили? — яростно вскричали Хромовые.

— Там, где холодно. Хватит.

— Дезертир, предатель! Взять его! — приказали Хромовые Сапоги.

Испуганная обувь растерянно затопталась на месте.

— Взять!

Многие, осмелев, послушно хлынули выполнять приказание. Брезентовые Сапоги резко обернулись. Волна сразу же откатилась, топча неповоротливые клетчатые Шлёпанцы.

— Мы ещё до вас доберёмся! — пообещали Хромовые Сапоги, привстали на цыпочки и проскрипели: — Наше время придёт! Вступайте в наш маршевый батальон! Мы ещё пригодимся!

Поднялся страшный шум.

— Это несовместимо с нашими взглядами! — кричали левые башмаки, ботинки и туфли.

— Вперёд! Вперёд! — воинственно орали правые.

— Мы тоже хотим пригодиться, — шамкали клетчатые Шлёпанцы.

— Долой! — орало несколько больших мужских башмаков.

— Мы созданы повелевать! — шумели маленькие порванные сандалии.

— А мне всё равно, — изрекла своё мнение растоптанная Галоша.

Споры продолжались несколько ночей подряд. Брезентовые Сапоги не вмешивались. Хромовые выжидали. Страсти бурлили!..

Когда спор дошёл до высшей точки, Хромовые Сапоги начали действовать.

— Мужская обувь, два шага — вперёд! — гаркнули они.

Все сразу зашевелились, засуетились, заёрзали.

— Мы за мир! — возмутились левые башмаки.

Но тем не менее первыми выскочили вперёд при грозном окрике: «Н-ну!»

Потом дружно пошли правые. Так был создан добровольный маршевый батальон. Штатскими остались только Брезентовые Сапоги, Звонок и несколько пар мужских башмаков, если не считать дамское сословие.

— В три шеренги стано-вись! — приказали Хромовые Сапоги. — По цвету!

В первую шеренгу встала чёрная обувь, во вторую — коричневая, а в третью — серая, бурая, малиновая и неизвестно какая. Шеренги застыли неровными линиями.

— Равняйсь!

Башмаки, ботинки, туфли начали равняться, наступая на пятки друг другу.

— Мои мозоли! — вскричал кто-то.

— Рразговорчики в строю! — прикрикнули Хромовые Сапоги. — Зашнуроваться и застегнуться на пряжки!

Все поспешно затянули обрывки шнурков и застегнули пряжки. Лыжные Ботинки даже переусердствовали и разорвали ветхие тесёмки.

Хромовые Сапоги прохаживались перед строем, восклицая:

— Нас ждут знамена, музыка, ордена, трофеи, слава! Нас всех починят! Нам не придётся нигде спотыкаться — ходят слухи, что вскоре заасфальтируют всю землю. Смиррно!

Шеренги отупело замерли.

Ротозейная женская обувь запрыгала от восторга.

— Р-раз, раз, раз-два-три! — командовали Хромовые Сапоги, обучая подержанных новобранцев ходить строем.

Из-под стоптанных каблуков со свистом летела пыль. Шеренги взад и вперёд маршировали по подвалу.

— Попробуйте — свиным клином! — истерично выкрикнули женские Туфли из свиной кожи.

— Как ходят! — восхищались зеваки.

— Не знаю, а мне больше всего нравится ходить по строительным лесам, — мечтательно сказали Брезентовые Сапоги.

— А по настоящим лесам? — спросила Галоша. Недаром она была деревенская.

— И по настоящим — нравится. Милое дело!

А батальон маршировал. Обувь с непривычки всё время ходила не в ногу.

— Шлёпайте поживей! — презрительно покрикивали Хромовые Сапоги на Шлёпанцы, которые отставали и шаркали позади всех.

В ту же ночь их привязали шнурками к гвоздю в самом сыром и холодном углу подвала — за отсталость.

— У нас ревматизм, — хныкали Шлёпанцы. — И вообще нас нельзя ставить в угол. Мы уже давно не маленькие!

Их никто не слушал. Не до них было.

Неделя прошла в усиленной маршировке. Хромовые Сапоги гоняли всех до треска в стельках.

Лыжные Ботинки не выдержали:

— Мы не хотим: раз-два-три! Мы не можем, мы не резиновые!

— Молчать! К Шлёпанцам захотелось, на пару?!

И Лыжные Ботинки сразу притихли.

В короткие минуты отдыха Хромовые Сапоги делились своими воспоминаниями:

— …А как мы ловко сидели на офицерских ногах! На войне нас наградили рыцарским крестом!

— А миллионы — могильными, — подали голос Брезентовые Сапоги.

Хромовые напыщенно промолчали, не найдя, что ответить. Несколько пар штатских башмаков невольно усмехнулись.

— Ах, так! — разъярились Хромовые Сапоги. — За мной, мои верные солдаты! Зададим им жару!

Военные кинулись на штатских. Завязалось настоящее сражение.

Брезентовые Сапоги пинками швыряли нападавших от стены к стене так, что у тех от натуги лопались шнурки и отлетали пряжки.

Штатские башмаки, отбиваясь, держались дружно, каблук к каблуку.

Звонок звонил во всю мочь. Дамская обувь пронзительно визжала.

— Подкаблучники! — весело сражались с вояками Брезентовые Сапоги, — Ага, драпаете? Смотрите, подмётки не потеряйте!

Хромовые Сапоги бегали где-то в тылу отступающих войск и кричали:

— Мы с вами! Не бойтесь!

Но те продолжали пятиться.

— Перегруппируемся, и снова в атаку! Вот увидите, враг ещё покажет и нам свои пятки! Впереди пойдут коричневые и чёрные! — проскрипели Хромовые Сапоги, подготавливая новое нападение.

Внезапно дверь в подвал открылась, и вошёл человек с фонарём. К его ногам тут же подвернулись Хромовые Сапоги. Человек нагнулся и поднял их.

— Наше время пришло! — ликовали они. — Смирно, солдаты!

Что же случилось дальше?..

Весь батальон, да и не только батальон, попал в утиль. Немцы — народ экономный. После переработки из доморощенных вояк получились разные полезные вещи.

А Брезентовые Сапоги, Звонок?.. Одну минутку.

Однажды вечером каменщик заботливо почистил свои грубые Брезентовые Сапоги и поставил в коридоре. Они покряхтели и важно расправили голенища.

— Эгей! — донёсся чей-то звонкий голосок.

Сапоги увидели над дверью блестящую чашку электрического Звонка.

— Это же я! — затараторил Звонок. — Помните медный колокольчик? Меня переплавили. Я родился заново!

— Вас и не узнать, — добродушно пробасили Брезентовые Сапоги. — Такой сияющий, нарядный!

Звонок даже покраснел от смущения и гордости.

— А нам вместо протёртых подошв поставили толстенные подмётки, — весело продолжали Сапоги. — И прибили прекрасные каблуки. Снова в жизнь!

— Наше время ещё придёт! — неожиданно прошипели из-под вешалки Шлёпанцы из чёрной хромовой кожи.

— Оно уже пришло. Шлёпайте себе поживей! — Брезентовые Сапоги рассмеялись, так что разгладились все морщины, и кивнули на Шлёпанцы. — Узнаёшь? Опять за своё! Их даже ножницы не исправили!

— А вы слышали, — прозвенел Звонок, — что теперь только у Галоши боевая специальность? Из неё сделали — мухобойку!

Сапоги слушали и улыбались. Каждый день они ходили по строительным лесам, а иногда — и по настоящим лесам. Милое дело.

Почему бы им и не улыбаться?..

ГВОЗДЬ БЕЗ ШЛЯПКИ

Молоток сильно ударил по Гвоздю, и шляпка отлетела.

— Ой-ёй! — закричал Гвоздь. — Какое безобразие — сбивать головные уборы, да ещё без спросу! Ваше счастье, что я не какая-нибудь там канцелярская кнопка, для которой шляпка дороже головы!

Но его никто не слушал. Такие гвозди обычно выбрасывают, и его выбросили.

На своё счастье, он упал в ящик для инструмента, большой, как город.

Первое время Гвоздь без шляпки лежал неподвижно, осваиваясь, а затем огляделся по сторонам.

— Извините, куда я попал? — вежливо спросил он у блестящего Шурупа.

Тот с удивлением посмотрел на гостя.

— Ого! — воскликнул он. — Да здесь новенький!

И так как незнакомец был без шляпки, Шуруп не понял, что это гвоздь, и спросил:

— А вы кто?

— Я — Гвоздь!

— Без шляпки-то? — рассмеялся лежащий рядом Гвоздь со шляпкой.

— Сейчас так модно ходить.

— Ходить-то, может, и модно, а работать — нет!

В этом инструментальном ящике-городе все трудились. Один за другим покидали его, уходя на работу, клещи и плоскогубцы, молотки и зубила, гвозди и шурупы.

Гвоздь без шляпки оказался совсем ненужным. Его всегда раздражённо отодвигали в сторону, когда искали что-то нужное.

В городе насмехались над ним. Ещё бы, единственный бездельник.

— Инвалид! Калека! Урод!

Не все, конечно, его обижали. Но уж, во всяком случае, никто не собирался ему хоть как-то помочь. Один только Напильник, которого все считали грубым, жестоким, пожалел его.

— А может, тебя обтесать, заострить как следует? — однажды призадумался он. — А то ты какой-то не слишком остроумный и скучный.

И, не долго думая, отшлифовал и плавно заострил Гвоздь без шляпки.

— Может, теперь на что-нибудь сгодишься!.. Аты — молоток! — похвалил его Напильник. — Держался достойно, не очень пищал.

— Кто-кто? — разобиделся его сосед Молоток. — Нашёл с кем меня сравнивать! — И проворчал: — Не с его носом со мной тягаться. Он такой же Молоток, как я — шило.

— И ты — молоток, — похвалил его Напильник.

— Без тебя знаю!

— Ты — молоток не потому, что твоё имя — Молоток, а потому, что ты — молодчина. Нашёл ты ему занятие и по его носу. Сам увидишь!

И правда, попался вскоре неузнаваемый Гвоздь без шляпки под руку мастеру. Повертели его так и сяк, осмотрели… Насадили на деревянную ручку, и получилось отличное острое Шило.

— Что я говорил? — торжествовал Напильник. — Рано его никудышным посчитали. Как говорится, шило в мешке не утаишь.

— У нас ящик, а не мешок, — завистливо сказал Гвоздь со шляпкой. Ведь таких, как он, было много, а Шило-то — одно.

— Ну, пусть будет ящик, — великодушно согласился Напильник, любивший поострить. — Однако в ящик он не сыграл!

— Молодчина, — сдержанно похвалил новое Шило важный Молоток. И себя не забыл: — Это я ему дело придумал!

ТАЛАНТ

В комнате появился новый жилец.

— Его привезли с толкучки, — сообщил всем по секрету зонт хозяина, лежавший для просушки раскрытым на полу.

— Что это? Круглый, как стол, и на трёх ногах. Калека, что ли? Странный жилец, — решили стулья.

Обеденный стол с лёгким треском переступил с ноги на ногу, потому что долго стоял

неподвижно и его пятки прилипли к полу.

— Ну какой он круглый?! — неприязненно разглядывал он новичка. — Это я круглый, а у него, гляньте-ка, диаметр меньше двух радиусов. И вообще я полагаю: это не жилец, а квартирант!

Всесторонне образованный стол гордо умолк. Молчание — золото. Тем более, он был стол не простой, а раздвижной. Но, конечно, с такими-то познаниями ему бы следовало быть не обеденным, а письменным столом. Хозяин нередко занимался на нём черчением. Вот, наверно, откуда такие познания. На пустом месте ничего не бывает.

— А вы заметили, какой он чёрный! — подала голос белая люстра. — Наверно, он из Африки! — Она так и зажглась. — Ах, как интересно! Он…

— Алло! Алло! — перебил её телефон. — По-моему, это всё же стул.

Все заспорили, поднялся невообразимый шум!

Стеклянная вазочка на комоде перепугалась и задрожала, придвигаясь всё ближе к краю.

— Я разобьюсь! Я разобьюсь!

И тут странное существо заявило приятным баском:

— К чему раздоры? Конечно, я стул, но я особый стул. Музыкальный. Вот фабричный штамп сохранился, если не верите. К тому же первый сорт!

— А я выдерживаю сразу троих! — вдруг ни с того ни с сего похвалилось кресло.

— Чушь, — заявил Музыкальный стул. — Вот когда я недавно играл Бетховена…

С этой минуты он затмил всех. Даже многоопытный шкаф притих, а ведь раньше так увлекательно рассказывал о лесопилке и циркулярной пиле, что все повизгивали от испуга.

И теперь, когда кто-нибудь хоть о чём-нибудь пытался спорить с Музыкальным стулом, тот всегда ставил зазнайку на место:

— А вы знаете симфоническую сказку «Петя и волк» Прокофьева? — важно спрашивал он, и противник сразу бывал разгромлен наголову.

Но самый большой триумф наступил, когда привезли пианино. Бывает ведь, что хомут покупают по случаю раньше лошади. Так произошло и со стулом, который появился здесь раньше самого пианино. Оно было тоже подержанное, зато громкое! Оно играло само по себе, даже когда его ещё только несли.

— Его купили для меня, — тонко проскрипел Музыкальный стул. — А не то я могу разучиться играть. В последнее время я с трудом брал ре-мажор-си-бемоль.

В тот же день случилось и новое чудо. Музыкальный стул начал высокомерно вращаться. Становился всё выше. Затем опускался, снова поднимался. И мелодично поскрипывал.

— Да-да, вы уже, наверное, догадались, — небрежно заметил он. — Вы правы. Несколько лет назад я даже танцевал в Большом театре: балансе направо, антраша налево, верхний пируэт, нижний разворот — и всё такое!

— Какая одарённая личность! Мне прямо страшно! Ах! — звякнула люстра.

Каждое утро на пианино стала играть маленькая девочка, и Музыкальный стул потом уверял всех, что обучает её.

— Самому играть некогда. Я думаю. Размышляю. Фантазирую. Сочиняю!

Он пищал, скрипел и вращался.

Неожиданно у него появился соперник, новенький пузатый чайник с чёрной пуговкой на лысой макушке. Когда вода закипала, он пел пронзительным голосом о своей дружбе с аристократом кофейником. Его голос был такой звонкий и сильный, что было слышно даже на балконе.

Первое время Музыкальный стул пытался его перепищать, но потом сдался. Но он навёрстывал своё, когда чайник снимали с плиты.

— Пронзительная бездарность, — так нетерпимо отзывался он о нем. — Одним словом — чайник!

И опять скрипел и вращался.

— Талант! — почтительно говорили все.

А девочка с каждым днём играла лучше и лучше, и стул был сам не свой от похвал, которые ему расточали.

— Это что!.. — скромничал он. — Скоро мы будем разучивать «Танец маленьких лебедей».

Все были в восторге.

— Тёплое участие! Сильное, горячее стремление! Огненная страсть! — восклицал, распаляясь, утюг. — Искромётный дар!

А стулья и вовсе расхвастались:

— Ещё бы! Это же стул, а не что-нибудь! Наш родственник!

Лишь коридорный абажур, который вечно сгущал краски, загадочно заметил в полуоткрытую дверь:

— Выше головы не прыгнешь.

И словно накаркал.

Однажды Музыкальный стул, бешено вращаясь и со скрипом подпевая, изображал «Танец с саблями». И вдруг, взяв самое высокое «фа», сорвал себе резьбу! Мало того, он превзошёл сам себя — сиденье с винтом так и вылетело из подставки!

— Ну, что я говорил, — закачался абажур.

Старый стул увезли и привезли другой музыкальный стул, новый и красивый.

Все неприязненно косились на него.

— Ну вот, — ворчали гостиные стулья. — Разве это музыкальный стул? Вот раньше был стул. Сломали ему жизнь, замучали, довели.

— Судьба таланта, — вздыхала люстра.

— И играл, и пел, и танцевал, — сокрушался стол. Да так, что чуть было сам не сокрушился от огорчения. Даже ножки затрещали.

— А как замечательно играет наша маленькая хозяйка! Это он её научил! А теперь, видите, уже не новичок её учит, а она — его! — переживали все. — До чего тупой!

— Талантам нет места в этом мире, — шептались в каждом углу.

А новый стул молча делал своё дело. Он знал своё место.

МУДРОЕ ОКНО

Это было обыкновенное Окно, с небольшой форточкой. Жило оно на третьем этаже старого деревянного дома и смотрело на улицу. Оно было одиноко, и не с кем было ему перемолвиться, кроме как с глуповатыми воробьями.

Внизу жила улица. Говорила, шумела. А это так интересно! Окно стало любопытным. Что же ещё делать в подобном случае? Правда, оно не сплетничало в отличие от хозяйки квартиры, которая часто простаивала у форточки, наблюдая жизнь соседей напротив. Но прошло время, и Окно устало. Надоело смотреть на улицу. Захотелось покоя.

— Такая суета не по мне, — поскрипывая на ветру, жаловалось оно воробьям, — шум, гам, крик. К чему? Ах, как я завидую окнам, выходящим во двор! Тишина. Покой. И пчёлы жужжат над цветами…

Воробьи из приличия сочувствовали ему.

— Бедняга! Как тебе тяжело!

А сами они были другого мнения. Они любили улицу. Любили машины и трамваи, шумные базары, редкостных теперь лошадей и их тёплый навоз. Но они не возражали Окну. Воробьи уважали его. Может быть, за то, что оно говорило так умно. Кто знает? Ведь если столько лет непрерывно смотреть на улицу, поневоле станешь мудрым.

Как и все мудрецы, Окно любило поразмышлять. Иногда этому мешала хозяйка, протирая его влажной тряпкой, и тогда оно недовольно ворчало. А воробьи испуганно отлетали на ближайшее дерево.

Каждый день, летя на базар, они останавливались передохнуть на знакомом подоконнике и привычно выслушивали очередные откровения.

— Главное, вовремя уйти в тишину, в себя… Ну вот, пустили по нашей улице ещё один троллейбус. Я трясусь от страха при его гуле. А сколько пыли садится на моё блестящее тело! Говорят, здесь будут прокладывать газ. Ни минуты покоя!

Воробьи скучно кивали своими взъерошенными головками. Хотя они и насквозь его видели, но им было всё непонятно. И думали: не переменить ли им подоконник.

Дни бежали за днями. Люди, как всегда, проходили внизу на работу. Автобусы проносились по своим маршрутам.

Как-то внизу Окно увидело нескольких человек. Они стояли с развёрнутым чертежом, показывали пальцами на дом и громко смеялись.

«Может, надо мной смеются?» — заволновалось Окно.

Придирчиво оглядело себя — всё в порядке, даже ни одной нахальной мухи. Люди ушли, но

оно чувствовало: что-то должно случиться.

На следующий день начали выезжать жильцы. Старый дом решили снести. Хозяйка суетилась в комнате, и Окно слышало, как она восклицала:

— Мы переезжаем! Чудесно! Ах! Ах! Наконец-то эту развалюху снесут!

Окно разволновалось ещё больше: «А что будет со мной?»

Но страхи его были напрасны. Где-то внизу решили, что окна ещё пригодятся. Их можно продать, они были вполне приличные, хоть и старые. Но зато и старой отличной работы.

Вскоре все окна бережно вынули и перенесли в тёмный сарай во дворе. И теперь Окно вздохнуло с облегчением:

— А здесь неплохо. Тишина и покой.

Но всё же долгожданного покоя оно не получило. Теперь каждую ночь по нему то и дело пробегали зубастые крысы, волоча длинные грязные хвосты. Часто они оскальзывались, и Окно постоянно боялось за своё стекло. И тишина исчезла! Целыми днями что-то гудело, скрежетало, стучало за тонкими дощатыми стенами.

Про окна, наверно, забыли. Но вот миновал год, не меньше. И вдруг однажды заскрипели двери, ворвалось солнце.

Окно онемело от удивления, увидев на месте прежнего дома белую многоэтажку. Во дворе лежали новые окна.

Оно сочувственно поглядело на них: «Им, небось, хочется выходить на улицу. Ну что они знают о жизни!»

Старые окна погрузили на машину, аккуратно перевязали и повезли.

Уплывали назад дома, они становились всё ниже. Потянулась городская окраина с одноэтажными домиками.

Машина остановилась. Наше Окно сгрузили, а машина поехала дальше.

Какая приятная неожиданность! Окно вставили в новую пристройку к домику, и оно стало выходить на палисадник с пышными цветами в тенистом дворе.

«Замечательно! Такая здесь тишина! Как мне спокойно, я это заслужило!» — ликовало Окно.

На подоконник вспрыгнул толстый лохматый кот. Окно даже вспотело от радости:

— У меня теперь собственный кот!

Оно тихо зазвенело от удовольствия и — трррах! — разбилось вдребезги. В комнату влетел тяжёлый футбольный мяч.

Подняв хвост трубой, кот удрал на кухню. Со двора доносились испуганные ребячьи голоса.

И тихо жужжали пчелы над цветами.

КОРОЛЕВСКАЯ КОСТОЧКА

Бывает же такое. Одна девочка вынула косточку из сушёного финика и посадила в горшок с землёй. А косточка вдруг взяла и проросла, и вскоре появилась маленькая Пальма. Совсем маленькая, но гордая.

Рядом с ней на подоконнике росли в горшках Фиалка и Алоэ. Пальма презрительно посматривала на них.

— Ничтожные вы существа, — не стесняясь, говорила она. — Ты, Фиалка, слишком нежная и недолговечная. Отцветёшь, и всё. Опадут листочки, и ищи-свищи!

— Снова зацвету, — обижалась Фиалка.

— Это когда ещё!..

— А я тебе чем не угодило? — топорщило свои тугие колючие отростки Алоэ.

— Да ты вообще, даже на вид, неприятное растение. Колючее — значит, злое. И уж слишком неприхотливое. Тебя хоть десять дней не поливай, ничего с тобой не случится. Нет в тебе ни достоинства, ни гордости!

Девочка очень заботилась о своей Пальме. И землю в горшке рыхлила, и поливала вовремя, и любовалась ею.

— Какая необычная! — восхищалась девочка.

К ней подружки заходили и тоже восторгались:

— Пальма! Ах, ах, ах! Королева!

И Пальма ещё больше возгордилась.

А однажды девочка заболела. Стала гаснуть прямо на глазах. Никакие лекарства не помогали. И тогда дали ей — кто-то посоветовал — попить соку Алоэ. Колючее растение охотно поделилось своей животворной влагой.

А потом и Фиалка помогла. Мама переставила её поближе к девочке. Тонкий нежный запах Фиалки тоже благотворно подействовал на неё.

Девочка начала поправляться. А когда совсем выздоровела, опять забыла про своих зелёных друзей. И снова начала восхищаться маленькой Пальмой.

Но Пальма притихла с тех пор. Особенно её мучило, что соседи по подоконнику ни разу не упрекнули её за то, что она не помогла девочке во время болезни.

Пальма наконец поняла, что финики на ней появятся не раньше, чем лет через сто. Чем гордиться-то?

— А всё-таки ты очень красивая, — нежно прошелестела ей как-то Фиалка, не помнящая зла.

— Даже очень! — кивнуло тоже незлопамятное Алоэ. Как-никак, медик. А медики обычно справедливы.

Такого благородства с их стороны Пальма не перенесла. Она завяла и съёжилась.

Девочка очень горевала. А новые пальмы из финиковых косточек не желали расти. Возможно, они знали о судьбе своей сестры и не хотели рисковать.

И хотя красота нередко бывает бесполезной, всё-таки надо признать: Пальма была на самом деле красивой.

Было на что посмотреть!